

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЭМИГРАНТА
В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ДЖ. ЛАХИРИ)**

Выпускник

А.О. Мокрищева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК
Ю.И. Детинко

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗ ЭМИГРАНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	7
1.1. Понятие эмигранта как чужого.....	7
1.2. Стратегии освоения чужого в межкультурной коммуникации	12
1.2.1. Особенности межкультурного взаимодействия	12
1.2.2. Стратегии аккультурации как форма межкультурного взаимодействия	15
1.3. Образ эмигранта в художественной литературе.....	18
1.3.1. Специфика репрезентации образов в художественном произведении	18
1.3.2. Дискурсивный анализ как метод интерпретации художественного текста	23
1.3.3. Обзор работ по исследованию образа эмигранта в художественных произведениях	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	33
ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ОБРАЗ ЭМИГРАНТА В РОМАНАХ ДЖ. ЛАХИРИ	35
2.1. Произведения Джумпы Лахири как источник описания межкультурного взаимодействия	35
2.2. Параметрическая модель культуры Г. Хофтеде: американская и индийская культуры.....	37
2.3. Репрезентация образа эмигранта через стратегии аккультурации	45
2.3.1. Стратегия интеграции	45
2.3.2. Стратегия сепарации	50
2.3.3. Стратегия ассимиляции.....	57
2.3.4. Стратегия маргинализации	60
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Исследование эмиграции как распространенного явления современной общественной жизни представляет собой актуальную и важную научную задачу. Теоретическое и практическое изучение эмиграции объясняется потребностью определить исторические, идеологические, психологические факторы, характеризующие природу данного феномена, а также решить вопросы взаимопонимания, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия.

Актуальность темы исследования обусловлена распространением эмиграционного процесса по всему миру. Данный феномен играет важную роль в современных социальных, культурных и экономических изменениях, ведет к высокому социо-этнокультурному разнообразию во всех государствах, а также влияет на международные отношения. Миграция имеет долгую историю, а также находит отражение не только в бытовой жизни, но и в художественной литературе.

Объектом данного исследования является образ эмигранта в художественном тексте.

Предмет исследования составляют стратегии аккультурации, репрезентирующие образ эмигранта в современной американской литературе на материале романов Дж. Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*.

Цель данной работы представляет собой описание стратегий аккультурации, репрезентирующих образ эмигранта в романах американской писательницы бенгальского происхождения Дж. Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*.

Для достижения поставленной цели необходима постановка и решение следующих **задач**:

- 1) дать определение понятию «эмигрант» и соотнести его с понятием «чужой»;

- 2) рассмотреть стратегии аккультурации как форму межкультурного взаимодействия;
- 3) изучить особенности репрезентации образа эмигранта в художественной литературе;
- 4) выявить средства, реализующие стратегии аккультурации в рамках взаимодействия индийской и американской культур в произведениях Дж. Лахири.

Материалом данного исследования послужили англоязычные художественные произведения американской писательницы Дж. Лахири – романы *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*, раскрывающие тему эмиграции и межкультурного взаимодействия.

Основным методом исследования в нашей работе является дискурсивный анализ, актуальный в области лингвистических исследований и активно используемый для интерпретации смыслов в контекстах художественных произведений. Основным методом сбора материала для настоящей работы стал метод сплошной выборки в англоязычных романах американской писательницы бенгальского происхождения Дж. Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*.

Методологическую базу исследования составляют научные труды в области теории дискурса и межкультурной коммуникации. Значимый вклад в разработку проблематики «свой – чужой» вносят работы Ю.И. Детинко и Л.В. Куликовой [Детинко, Куликова, 2017], В.В. Иванова и В.Н. Топорова [Иванов, Топоров, 2000], А.А. Матвеевой [Матвеева, 2007], Е.Н. Молодыченко [Молодыченко, 2012], Р.В. Осины [Осин, 2017]. Исследованием темы эмиграции занимаются такие зарубежные ученые, как D. Castello [Castello, 2015], V.C. Cormoş [Cormoş, 2014], M. Sperduti [Sperduti et al., 2008]. Труды в области теории межкультурной коммуникации представляют Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003], Дж. Берри [Berry, 2016], Л.В. Куликова [Куликова, 2004], Е.Н. Курбан [Курбан, 2013],

М.В. Кривошлыкова [Кривошлыкова, 2013], Д.С. Лихачев [Лихачев, 1994], А.П. Садохин [Садохин, 2014]. Особенности художественного текста отражены в научных работах В.Ю. Клейменовой [Клейменова, 2011], Н.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина [Марковина, Сорокин, 2010], Е.В. Никитиной [Никитина, 2008], Э. Холла [Hall, 1976] и др. Изучение дискурсивного анализа опирается на теорию дискурса, разрабатываемую в исследованиях таких ученых, как И.Б. Гецкина и Л.П. Прокошенко [Гецкина, Прокошенко, 2006], Т.А. ван Дейк [Дейк, 1978], Н.Д. Кенжегараев [Кенжегараев, 2012], М.Л. Макаров [Макаров, 2003].

Практическая значимость исследования заключается в потенциальном использовании данного материала, а именно особенностей реализации стратегий аккультурации, в рамках дисциплины «Теория межкультурной коммуникации». Результаты проведенного исследования могут использоваться в курсе по дискурсивному анализу.

В соответствии с задачами исследования, **структура** данной работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Во введении определяются объект и предмет выпускной квалификационной работы, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи, а также определяются методы и описывается материал исследования.

Первая глава посвящена описанию специфики образа «эмигрант» и его соотношению с понятием «чужой» в рамках межкультурного взаимодействия в художественном тексте. В главе также представлены особенности стратегий аккультурации как стратегий освоения чужого, а также образ эмигранта в художественной литературе.

Во второй главе рассматриваются романы Дж. Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*, описывающие опыт межкультурного взаимодействия. Представленные в данных романах американская и индийская культуры характеризуются через параметрическую модель Г. Хофтеде,

представляющую собой способ сравнения культур по разным параметрам. Впоследствии проводится анализ стратегий аккультурации как способов взаимодействия эмигрантов из Индии с американской культурой в представленных романах.

В заключении подводятся итоги выпускной квалификационной работы. Список использованной литературы содержит наименования научных трудов, составляющих теоретико-методологическую базу исследования.

Апробация

Промежуточные результаты исследования были представлены в докладе «Стратегия репрезентации эмигранта как чужого в романе Э.М. Ремарка *Arch of Triumph*» на международной научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019). Основные положения отражены в публикации в электронном научном журнале Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета *Siberia Lingua* (2019).

ГЛАВА 1. ОБРАЗ ЭМИГАНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1. Понятие эмигранта как чужого

Эмиграция является одним из самых распространенных явлений современного мира. Путешествия, политические взгляды, убеждения и многие другие мотивы побуждают представителей одних стран покидать родину и находить спокойствие и комфорт в других местах. Здесь важно учитывать не только климатические и географические особенности нового места жительства, но и культурную составляющую: покидая родную землю, с привычным укладом жизни, менталитетом, ритуалами и традициями, человек вынужден изучать и принимать характеристики нового места и новой культуры для гармоничного существования в ней. В свою очередь и жители новой страны будут взаимодействовать с ним, реагировать на его действия и оценивать их. Под словом «эмигрант» мы подразумеваем человека, который переселился из своего отечества в другую страну, т.е. человека, который находится в эмиграции [Кузнецов, 2014]. Поскольку в данном исследовании эмигрант, как объект извне, будет являться чужаком для жителей страны, в которую переехал, очень важно понять, как в рамках межкультурной коммуникации и эмиграции представлена дилемма «свой – чужой» и какое место в ней занимает сам эмигрант.

В современной парадигме смыслов разделение на «свое» и «чужое» играет важную роль. Первое – это то, что нам знакомо и чем мы обладаем, второе – нечто далекое, непонятное, инородное, выходящее за рамки нашего контроля и понимания. Такая оппозиция часто воспринимается как «дробление» мира на «добро» и «зло», что приводит к строгой категоризации окружающих нас предметов и людей. Часто в контексте данной оппозиции упоминается такое понятие, как «другой», но, если мы обратимся к работе Н.М. Никогосян [Никогосян, 2010], мы увидим, что «другой» – этот тот, кто

не совсем «свой», но и не «чужой» [Никогосян, 2010: 234]. Здесь понятие «другой» занимает пограничную позицию, так как быть другим могут и внутренние аутсайдеры – члены «своей» группы, отличающиеся от среднестатистического представителя по тем или иным параметрам. Поэтому если «свой» и «чужой» вступают в конфронтацию, то «другой» будет представлять собой нейтралитет, и не будет противопоставляться ни одной из сторон данной бинарной оппозиции.

Однако наши знания о мире не следует рассматривать как нечто объективное [Молодыченко, 2012: 145], и понятие чужеродности – не исключение. Мы рассматриваем все явления через призму своих интересов и представлений. В этом смысле «чужеродность» воспринимается и анализируется на чувственном уровне, зависит от индивидуальной картины мира и является определением, рамки которого сложно установить. Чтобы понять, какие элементы могут войти в круг «чужих» у конкретного объекта, стоит определить как минимум один дифференцирующий признак – национальность, возраст, пол, принадлежность к определенной религии и т.д.

Первое представление о «своём» и «чужом» сформировалось сотни лет назад, отражая способность человеческого сознания отмечать и фиксировать различные противоположности. Согласно В.С. Иванову и В.Н. Топорову, социальная сущность феномена «свойственность – чуждость» существовала еще в древней славянской системе и представляла собой противопоставление, в котором «чужой» не являлся исключительным или преимущественным символом [Иванов, Топоров, 1965: 156]. Для разных эпох были характерны разные типы социальных противопоставлений, выражавшихся через «свойственность – чуждость», например «мужской – женский», «сакральный – мирской», «главный – неглавный» и т.д. В этническом плане данная категория нашла точное отражение в славянском героическом эпосе, где «чужаками» являлись татарин, кочевник и прочие «чужеземцы». Символично, что противопоставление «близкий – далекий» в данном исследовании также является вариантом «свойственности –

чуждости». Так, отправляясь в неизведанные, незнакомые места, славяне говорили о «чужбине», «чужедальней сторонушке» и т.д.

Важно отметить, что данный феномен возникает не только на социокультурном уровне, когда мы выделяем «чужих» в обществе по определенным параметрам, но, прежде всего, на уровне когнитивном. Только идентифицируя себя как личность человек способен отвергать или принимать характеристики других объектов. Иначе говоря, один субъект идентифицирует другого как «чужого» одновременно с самоидентификацией [Детинко, Куликова, 2017: 9]. Только наличие своего позволяет определить чужое.

В работе «Миграция и Мультикультурализм» [Green, Staerkle, 2013], эмигрант как личность является результатом «определения других» *other-definition* и самоопределения *self-definition*. В данном варианте, под «определением других» подразумевается приписывание доминирующими группами отрицательных характеристик и присвоение низших социальных позиций. Под самоопределением понимается осознание членами группы принадлежности друг к другу на основе общих культурных и социальных характеристик. Таким образом, здесь понятие «эмигрант» соотносится с понятием «чужой» на основе принципа идентификации других и самоидентификации.

Когнитивная лингвистика рассматривает категоризацию как важный механизм упорядочивания в сознании различных концептов и образов. Соотнося предметы к определенным категориям, мы развиваем системное мышление – способность видеть не только типы и классы как таковые, но и их взаимосвязь друг с другом. «Свой – чужой» – это та универсальная семантическая категория, которая разделяет общество на две группы – «мы» и «они». Более того, она тесно сопряжена с категорией оценки, которая представляет собой совокупность наших впечатлений, эмоциональных реакций на свойства предметов и умственные заключения об их роли в нашей жизни [Матвеева, 2007: 74]. В этом смысле слово «чужой» закрепило за

собой преимущественно негативную коннотацию и соотносится с оценкой «плохой». Так, при анализе корпусных данных в исследовании «Дискурсивные репрезентации мигрантов как жертв и преступников в британской прессе» [Castello, 2015], был обнаружен ряд символических представлений, использованных для обозначения мигрантов. В результате исследования мигранты, как отдельные личности и представители определенных групп, концептуализируются как *different, not like us*, а в крайнем случае – *threatening* и *uncontrollable*. Иностранный гражданин имеет аналогичную негативную коннотацию – *prisoners, offenders* и *criminals* являются самыми частыми существительными, а *remove* и *deport* самыми частыми глаголами. В статье Р.В. Осина эмигрант предстает как очень податливый для идеологического воздействия социальный материал, как со стороны средств массовой коммуникации, так и со стороны преступных организаций или представителей нелегального бизнеса [Осин, 2017: 96].

«Чужой» мир может восприниматься как мир незнакомый, чуждый, враждебный. В этом значении мы не всегда следуем законам логики, опираясь на собственные чувства и представляя понятие «чужой» как коррелирующее с понятием «враг». Так, в исследовании Б. Гулли *Humanity and the enemy* [Gullí, 2014] автор предлагает теорию о том, что истинным врагом должен считаться только враг общества, враг государства, с которым может начаться война (но которую также можно избежать). Отношения с таким врагом не содержат в себе никаких чувств и эмоций. «Не следует поддерживать или любить врага точно так же, как не следует его ненавидеть» [Там же: 75]. Согласно такой теории, всё «чужое», что воспринимается враждебно, должно быть побеждено и уничтожено. В работе А.В. Войтова образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как некий элемент, несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию [Войтов, 2014: 41].

Выделение «чужого» из всего остального – это определение качественных или количественных границ объекта. Мы разграничиваем понятия, людей, явления, чтобы отнести их к тому или иному классу. Таким образом, проблема «кого» тесно связана с границами, за пределами которых оно и находится. В работе Ю.И. Детинко и Л.В. Куликовой представлен ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

- 1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;
- 2) у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;
- 3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;
- 4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп;
- 5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;
- 6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;
- 7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Psychology..., 1991, цит. по: Леонович, 2005: 236].

Заметим, как сильно по представленным тенденциям понятие «эмигрант» коррелирует с понятием «чужой». Нам действительно бывает сложно отличить представителей другой культуры друг от друга внешне, мы всегда осторожны в общении с ними, мы не можем предугадать их действия в силу того, что различия культур могут быть колоссальными или потому что мы с этими культурами не знакомы. Зарубежные исследования также показывают частоту использования лексем с отрицательным значением в отношении эмигрантов, что характерно для поведения с чужими в целом.

Таким образом, бинарная оппозиция «свой – чужой» представляет собой универсальную семантическую категорию, которая еще с древних времен разделяет общество на две группы – «мы» и «они». Идентифицируя себя как представителей одного лингвокультурного сообщества, мы неизбежно маркируем представителей другой культуры, эмигрантов, чужими, поскольку их паттерны поведения и язык отличны от наших, незнакомы нам и, соответственно, непонятны. Наряду с позициями «своего» и «чужого» часто также упоминается «другой», представляющий собой члена какой-либо группы, отличного по каким-либо характеристикам от среднестатистического представителя этой группы.

1.2. Стратегии освоения чужого в межкультурной коммуникации

1.2.1. Особенности межкультурного взаимодействия

Взаимодействие культур является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Так, общаясь на одном языке, коммуниканты могут являться представителями разных культурных сообществ, что будет непосредственно проявляться в особенностях поведения, манере речи и т.д. Ключевым понятием здесь безусловно выступает «межкультурная коммуникация» как основа интернационального мира, в котором мы живем. В отечественной гуманитарной науке данное понятие получило свое развитие только в 90-х годах XX века. Изучением природы и проблем межкультурной коммуникации занимались В.В. Красных, Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, А.П. Садохин, И.А. Стернин, С.Г. Тер-Минасова и др.

Впервые термин «межкультурная коммуникация» появился в 1954 году. Его авторами стали представители американской научной школы Э. Т. Холл и Г.Л. Трагер, опубликовавшие статью «Культура и коммуникация» (*Culture and communication*). По мнению ученых,

межкультурная коммуникация в широком смысле представляла собой особую область человеческих отношений [Грушвицкая, Попков, Садохин, 2003: 8]. Как научное направление межкультурная коммуникация получила свое развитие в книге Э.Т. Холла «Немой язык» (The Silent Language, 1959), в которой автор подчеркнул необходимость обучения культуре. В дальнейшем концепция Э. Холла о единстве культуры и коммуникации получила распространение не только в США, но и за рубежом, став предметом исследований культурантропологов (Ф. Клакхон, Ф.Л. Стродбек) и культурологов.

Так, в центре межкультурной коммуникации одним из самых важных компонентов является понятие культуры. В данном исследовании мы будем опираться на определение, предложенное в 1971 году автором Э.Б. Тейлором: «Культура – это комплексное целое, включающее в себя знания, веру, искусство, мораль, право, обычаи, а также все другие способности и привычки, которые усваивает человек как член общества» [Куликова, 2004: 11]. Согласно Лихачеву, в понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства [Лихачев, 1994].

В рамках данного направления также существует термин «межкультурное взаимодействие», трактующееся как система взаимного обмена идеями, представлениями, концепциями, которая разрешает раскрыть уникальность культуры другого народа и заставляет осознать особенности собственной культуры [Курбан, Кривошлыкова, 2013: 97]. Можно выделить два основных подхода к соотношению понятий межкультурной коммуникации и межкультурного взаимодействия:

- 1) межкультурная коммуникация идентична межкультурному взаимодействию (А.П. Садохин, А.Г. Асмолов);
- 2) межкультурная коммуникация – часть межкультурного взаимодействия, наряду с межкультурной компетенцией, межкультурными контактами и т.д. (А.А. Белик, Т.Г. Стефаненко).

Так, при первом подходе в основе лежит позиция о том, что в современном мире все культуры открыты к взаимодействию друг с другом, к восприятию и изучению друг друга, что уже является взаимодействием культур или межкультурной коммуникацией. Сторонники второго подхода рассматривают межкультурную коммуникацию как связь в рамках межкультурного взаимодействия, поскольку не каждое общественное действие может быть рассмотрено как коммуникативное [Там же: 97]. Например, обмен товарами между двумя странами может представлять собой межкультурную коммуникацию, однако межкультурным взаимодействием это назвать нельзя, поскольку не происходит никакой перестановки ценностных ориентаций, изменений в культурной идентичности коммуникантов, а также в основе не лежит стремление к познанию чужой культуры и ее изучению. В данном исследовании, однако, данные понятия являются взаимозаменяемыми.

Голландский социолог Г. Хофтеде определяет культуру как коллективный феномен и ментальное программирование личности, принадлежащей определенной культурной группе [Куликова, 2004: 12]. Поскольку личность не рождается с уже готовыми знаниями, пониманием искусства и морали, верой, знанием своих прав и привычек, был сделан вывод о том, что культура не наследуется, а усваивается. Процесс прививания культуры ребенку с детства называется *инкультурацией*. В процессе вхождения в свою культуру индивидуум усваивает принятые для той или иной культуры правила и требования, которые лежат в основе их поведения и деятельности, часто не осознавая этого. Именно поэтому в разных культурах одни и те же действия могут нести разную смысловую нагрузку (например, язык жестов), но ребенок не будет воспринимать и анализировать эту разницу до момента, пока это не станет необходимостью.

Так, каждый человек принимает культуру от своих родителей и окружения, называя ее родной и своей, а позже, оказываясь в другой лингвокультурной среде, начинает взаимодействовать со второй культурой,

не родной и, следовательно, чужой. Только в процессе непосредственного межкультурного взаимодействия человек понимает, что привычные способы и нормы поведения не всегда являются эффективными и приемлемыми для других. Приведем пример: оказавшись в Америке, представитель индийской культуры заметит, что в процессе приема пищи американцы пользуются столовыми приборами, что не характерно для его культуры, и сделает вывод о том, что даже самые универсальные вещи могут иметь свои ритуалы и особенности в рамках разных культур.

Таким образом, представители разных культур обоюдно воспринимают друг друга как «чужих», что обуславливает важность изучения межкультурной коммуникации как способа понять, принять и правильно отреагировать на «чужое». В межкультурном взаимодействии эмигранту как чужому необходимо сравнить культуры, проанализировать разницу в поведении, традициях и ритуалах, и на основе своих выводов выбрать приемлемую для него модель поведения.

1.2.2. Стратегии аккультурации как форма межкультурного взаимодействия

Для современного периода отношений «мы» и «они» характерны не только осознание общечеловеческого «мы», но и проявление интереса к другому этносу, его культуре, стремление узнать лучше его особенности, установить с ним контакт на основе взаимопонимания [Марковина, Сорокин, 2010: 9]. В теории межкультурной коммуникации вхождение в чужую культуру – *аккультурация* – представляет собой процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры донора) [Садохин, 2014: 147]. Автором термина «аккультурация» является известный кросс-культурный психолог, один из основоположников концепции мультикультурализма,

Джон Берри. В своих работах, таких как *Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada* [Berry, 2006] и *Diversity and equity* [Berry, 2016], Дж. Берри рассматривает особенности мультикультурных сообществ в соотношении с аккультурацией и этническими взаимоотношениями. Более подробно психологию аккультурации Берри описал в одноименной статье *Psychology of acculturation* [Berry, 1990]. В процессе аккультурации «чужой» одновременно вынужден сохранять свою культурную идентичность и пытаться взаимодействовать с другой. Так, теория межкультурной коммуникации рассматривает четыре варианта развития событий, моделей поведения, именуемых стратегиями аккультурации:

- 1) ассимиляция;
- 2) сепарация;
- 3) маргинализация;
- 4) интеграция.

Ассимиляция представляет собой форму аккультурации, при которой человек целиком и полностью принимает ценности и нормы иной культуры, при этом отталкивая свою. Раньше считалось, что полная ассимиляция является идеальной стратегией освоения чужого, однако сегодня предпочтительнее развивать мультикультурную личность, которая доступна только при добровольном вхождении в культуру-донора, готовую принимать нормы и ценности культуры-реципиента. Таким образом, возникает интеграция двух культур, которые не вынуждены жертвовать своими установками ради успешного существования. Данная идея лежит в основе *интеграции* – стратегии аккультурации, которая представляет собой так называемый «культурный баланс», в котором индивид ориентируется на ассимиляцию, но при этом не теряет связь с родной культурой.

Стратегия *сепарации*, противоположная ассимиляции, подразумевает отрижение чужой культуры и сохранение своей. В данном случае представители недоминантной культуры предпочитают большую или

меньшую степень изоляции от доминантной. Если на такой изоляции настаивают представители господствующей культуры, это называется *сегрегацией* [Там же: 147]. Другую идею содержит *маргинализация*, представляющая собой потерю своей культурной идентичности и отрицание идентификации с культурой большинства. Данная стратегия может быть используема «чужими» беженцами, более не принимающими нормы и ценности «своих», и в то же время не готовыми получить новую идентичность в рамках принимающей культуры.

Выбор стратегии аккультурации, как правило, является добровольным, однако многое зависит от обстоятельств. Так, у студентов, которые приехали в страну для получения образования, выбор стратегии будет отличаться от беженцев, вынужденных покинуть родину в силу определенных внешних причин.

С точки зрения Дж. Берри, автора термина «аккультурация», каждый эмигрант в своем межкультурном взаимодействии должен решить два главных вопроса:

- 1) отношение к родной культуре и необходимость ее сохранить;
- 2) отношение к чужой культуре и необходимость усвоить ее нормы и ценности.

Так, в работе А.А. Егизарьянц [Егизарьянц, 2010] представлена таблица (Таблица 1), которая сопоставляет варианты решений и представленные ранее стратегии аккультурации:

Таблица 1. Стратегии аккультурации

		Стремление к усвоению новой идентичности	
		Да	Нет
Стремление к сохранению унаследованной идентичности	Да	Интеграция	Сепарация
	Нет	Ассимиляция	Маргинализация

Таблица лаконично и точно характеризует суть каждой из возможных стратегий аккультурации, демонстрируя результаты решения вопросов идентичности эмигранта. Так, отрицательные решения по обоим аспектам приводят к маргинализации – отречению от обеих культур, а положительные – к интеграции, культурному балансу, самому оптимальному пути в современном мультикультурном сообществе.

Таким образом, межкультурная коммуникация представляет собой неизбежную и важную среду для чужого, поскольку именно в рамках взаимодействия с другой культурой он способен определить границы своего и успешно «самоидентифицироваться». Аккультурация здесь является процессом «погружения» представителей одной лингвокультурной общности в другую культуру. Стратегии аккультурации представляют собой разные подходы к взаимодействию с ней – ассимиляцию, интеграцию, маргинализацию и сепарацию, выбор которых в большинстве своем остается добровольным.

1.3. Образ эмигранта в художественной литературе

1.3.1. Специфика репрезентации образов в художественном произведении

Художественный текст как культурное явление и предмет лингвистического анализа имеет свои особенности. Основой художественного текста является определенная картина жизни, которую автор представляет в виде художественных образов. В рамках межкультурной коммуникации художественная литература выступает в роли непосредственного носителя культур, раскрывая их специфику через авторов и персонажей художественных произведений как представителей определенных лингвокультурных сообществ. Так, И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин определяют художественный текст как модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы национально-

специфические особенности верbalного и неверbalного поведения того или иного этноса [Марковина, Сорокин, 2010: 5].

Согласно Н.В. Никитиной, основной особенностью языка художественной литературы является его эстетическая функция [Никитина, 2008]. Она основывается на образности, изобразительности, эмоциональности. Данный термин был введен в науку Л.П. Якубинским, однако понимается он учеными по-разному. Р.О. Якобсон, Б. Эйхенбаум, например, говорили о данной функции как о форме выражения эстетики, представлений о прекрасном; другие исследователи рассматривали эстетическую функцию как установку на творчество. Для более точного понимания сути данной функции, раскроем понимание образности и образа и их составляющих.

Образ и образность являются ключевыми понятиями в рамках искусства, художественной литературы и литературного языка. Образ – это пересечение предметного и смыслового рядов, словесно-обозначенного и подразумеваемого [Борисова, 2009: 21]. В художественной литературе образ является неким представлением читателя о каком-либо объекте, представленном в произведении в виде определенной языковой единицы. Другими словами, материальной оболочкой образа является слово. В рамках художественного произведения мы будем подразумевать художественный образ и вслед за Л.В. Чернец понимать его как результат осмыслиения автором какого-либо явления, свойственными тому или иному виду искусства способами [Чернец, 2004].

Понятие образности, в свою очередь, также имеет множество дефиниций, поскольку существуют разные подходы к его пониманию. В данном случае нас будет интересовать образность, связанная с языком художественного произведения и создаваемая им. Художественный текст является источником информации, закодированной в языке. Образность также передает некую информацию, заложенную автором произведения, она создается за счет тропов (метафора, гипербола, ирония и т.д.).

Следовательно, если образность имеет языковое отражение (язык – это система, имеющая свою структуру), то о ней можно говорить как о структурной информации [Пивоварова, 2009: 246]. Так, в процессе чтения, у читателя складывается общий смысл прочитанного на основании всех образов и частных смыслов, что объясняет, почему образ является единицей художественного текста, а художественный текст – это совокупность образов, которые составляют образную систему произведения.

Фикциональность – условие, при котором мир, события и персонажи литературного произведения являются вымышленными – также рассматривается как один из основных признаков художественного текста. Таким образом автор создает определенную модель мира, которая содержит в себе систему ценностей, характерную для того или иного языкового сообщества. В статье *The paradox of fiction, emotional response toward fiction and the modulatory role of self-relevance* [Sperduti et al., 2016] упоминается, что классическое определение фикциональности было предложено В. Шмидом, немецким филологом, русистом и теоретиком литературы, который отмечал, что при создании такой «фикции» у автора нет намерения обмануть читателя. В данном смысле «фикация» коррелирует с понятием «вымысел», который представляет собой сложный феномен – разновидность речемыслительной деятельности, основанной на воображении, как способ отражения действительности [Клейменова, 2011: 95]. Вымысел является одним из средств познания окружающей нас реальности, а также своеобразной формой презентации информации. Здесь важно отметить, что фикация не имеет ничего общего с фальсификацией, таким образом автор не дает читателю ложную информацию, но лишь представляет продукт собственного воображения.

Главным инструментом художественного текста является образный figurативный язык, способный воссоздать образы объектов, которые, будучи недоступными восприятию, подвергаются описанию и интерпретации [Петросова, 2010: 262]. Так, метафора, как одна из форм figurативного

языка, может рассматриваться как хранилище культурного понимания: метафоры способны создавать и представлять традиционные или распространенные убеждения, связывая явления с опытом и уже знакомым набором культурных предубеждений. Метафорические конструкции как лингвистический феномен присутствовали еще на ранних этапах развития человечества – раннегреческая философия уже к тому времени допускала вариативность символов одного и того же явления. Так Фалес Милетский считал первоначалом и концом вселенной воду, Анаксимен – воздух, а Гераклит – огонь.

В статье М. Спердугти [Sperduti et al., 2016] авторы также выделяют способность художественного текста вызывать у аудитории сильные эмоциональные переживания. Например, читая Анну Каренину, можно почувствовать жалость к Анне. Тем не менее, эмоции к фантастике и эмоции к реальным событиям не всегда могут находиться на одном уровне. Первые отличаются от последних по крайней мере в трех соотношениях:

1) эмоции как следствие знакомства с художественным произведением не являются результатом полного спектра поведения, вызываемого реальными людьми и событиями. Например, при прочтении литературы Стивена Кинга читатель может почувствовать страх, но при этом он не паникует и не выбегает из комнаты;

2) у нас нет обязательств перед художественными персонажами и событиями. Следовательно, мотивация помогать Анне отсутствует;

3) эмоции, вызванные художественными произведениями, направлены на персонажей и события, которых не существует. Эти различия могут привести к мысли, что наши аффективные реакции на вымышленных персонажей и события не могут должным образом быть квалифицированы, как эмоции.

Наряду с уже представленными характеристиками художественного текста исследователи также отмечают философию автора. Благодаря данной философии художественный текст репрезентуется как одно из средств

познания человеком действительности и формирования личности. При этом главными задачами автора будут являться объективация мысли и стремление сделать ее доступной широкой аудитории. Интересно отметить, что даже при таком стремлении нельзя исключать возникновение коммуникативной, временной и культурной дистанции между читателем и автором. Так, в художественном тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» присутствуют лакуны (элементы культуры, представленные в языке и речи ее представителей), которые современному читателю будет сложно понять без нужной пресуппозиции. Замечание А.С. Пушкина о том, что Онегин «легко мазурку танцевал» нельзя оставить без внимания, поскольку за этой фразой лежит важный подтекст. В 1820-е годы «французская» манера танцевать мазурку стала сменяться «английской» («томная, ленивая» мазурка) [Марковина, Сорокин, 2010: 81]. Таким образом, автор акцентирует внимание на том, что манера исполнения мазурки Онегиным соответствовала «английской», новой и, соответственно, модной, хотя в первой главе герой романа выражал глубокое разочарование в моде как таковой. Данный пример иллюстрирует то, как художественный текст способен транслировать культуру, ее историю и особенности.

В монографии Э. Холла [Hall, 1976] также представлены примеры, подтверждающие, что в межкультурной коммуникации художественная литература занимает особое место. Так, японская литература, как и лингвокультура сама по себе, является очень интересной, но сложной для понимания представителями других культур. Глубина смыслов здесь воспринимается на другом уровне. Там, где герои произведений других культур могут выражать любовь эксплицитно, ярко и показательно, японцы промолчат, не отдавая свои, пусть даже самые сильные, чувства на показ.

Таким образом, художественный текст, основными особенностями которого являются *эстетическая функция* и *фиксиональность*, способен хранить и отражать культурную специфику представителей разных лингвокультурных сообществ. Основой эстетической функции является

образность, представляющая собой систему образов, влияющих на комплексное понимание и восприятие текста читателем. Фикциональность подразумевает наличие вымышленных персонажей и событий, которые представляют собой плод воображения автора.

1.3.2. Дискурсивный анализ как метод интерпретации художественного текста

Современные лингвистические исследования в области дискурса приобрели широкую популярность, и тот факт, что единого, общепризнанного определения дискурса на данный момент не существует, обуславливает актуальность работ данного направления. Этимологически данный термин происходит от латинского слова *discursus* – «бегание взад-вперед, движение, круговорот, беседа, разговор» [Прокошенкова, Гецкина, 2006: 451]. Произношение дискурса также разнится – допускаются оба ударения, на первый и на второй слог, однако в лингвистической академической области принято использовать второй вариант.

В разработке теории дискурса велики заслуги голландского ученого Т.А. ван Дейка, работающего в области лингвистики текста, критического дискурс-анализа, а также когнитивных и психолингвистических моделей обработки и понимания дискурса. Ван Дейк представляет дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» [Дейк, 1978: 275].

Дискурсивный анализ, в свою очередь, представляет собой метод, принцип и самостоятельную дисциплину. Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами [Там же: 452]. Таким образом, он исследует устные и

письменные формы речевой коммуникации. Дискурсивный анализ многогранен и, будучи молодой дисциплиной, не имеет единого подхода к изучению. В данном смысле нас будет интересовать связь дискурсивного анализа с художественными произведениями, направленного на интерпретацию литературных смыслов и образов.

Язык вобрал в себя и социальные, и психологические аспекты, поэтому в процессе изучения языкового общения необходимо учитывать все научные теории. Об этом неоднократно говорили Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртанэ, и Л.П. Якубинский и т.д. Данный подход предполагает исследование коммуникации как совокупности языковых средств, экстралингвистических факторов, пресуппозиции, психофизических особенностей партнеров по коммуникации. В таких исследованиях мы будем иметь дело с межличностным взаимодействием, индивидуальными знаниями в дискурсе, соотношением когнитивного, языкового, социального и т.д. [Макаров, 2003: 49]. Такое направление как дискурсивный анализ напрямую связано с рассмотрением языковой системы в совокупности с вышеперечисленными составляющими.

Важной особенностью дискурсивного анализа является контекст. В данной работе при дискурсивном анализе особую значимость для нас будет представлять ситуационный контекст – набор факторов, частично определяющих значения языковых и прочих знаковых выражений [Там же: 147]. Так, ситуационный контекст будет помогать нам интерпретировать смысл используемых языковых единиц в определенной ситуации, имеющей конкретные особенности и обусловленной определенными факторами. Данный контекст будет ключевым при выявлении и изучении разных компонентов скрытого коммуникативного смысла.

Проблема дискурса и текста является актуальным вопросом в рамках изучения художественного текста. Т. Ван Дейк в своем труде «К определению дискурса» характеризует дифференцию текста и дискурса

следующим способом: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного <...> Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [Кенжегараев, 2012: 229]. Когда речь идет о художественном произведении, дискурс начинается там, где зарождается идея автора. Дискурс – это сердце художественного произведения, он включает в себя все этапы создания и развития конечного литературного продукта, от замысла и социального наполнения до восприятия, анализа читателем. Структура, стратегия, жанр, композиция, стиль художественного произведения зарождается и образуется соответственно дискурсивным основам [Там же: 231]. Таким образом, именно дискурсивный анализ позволяет идентифицировать состав текста, способы его порождения, качество, сущность, цель, содержание, а также проанализировать, оценить, понять и истолковать художественный текст.

Таким образом, исследование дискурса и дискурсивный анализ является важной научной задачей в современных лингвистических исследованиях. Природа дискурса многогранна, вопросы о его сущности и точной формулировке продолжают волновать ученых гуманитарных областей. Дискурсивный анализ представляет собой метод, используемый для выявления скрытых смыслов внутри социального и ситуативного контекстов, представляющих собой совокупность условий, влияющих на значение используемых языковых единиц.

1.3.3. Обзор работ по исследованию образа эмигранта в художественных произведениях

В рамках межкультурной коммуникации миграционная литература является материалом для художественного осмысливания. Так, образ эмигранта, находящий отражение в семантической категории «свой –

чужой», является ключевым, а его культуре и менталитету уделяется особое внимание. В новой социальной среде эмигранты сталкиваются с разными жизненными проблемами: им приходится взаимодействовать с людьми другого восприятия и мышления, открывать новые места и принимать другой образ жизни. Всё это значительно влияет на менталитет эмигранта. Менталитет имеет сложную структуру, с многочисленными и разнородными элементами, которые включены в систему принятых представлений о социальной реальности, в этическую систему человеческих отношений и набор привычек и правил, которые непроизвольно исполняются [Cormoş, 2014].

Среди авторов эмигрантских романов есть те, кто имел непосредственный опыт миграции, такие как Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн, чьи произведения легли в основу таких исследований, как работа А.С. Поршневой о сюжетологии немецкого эмигрантского романа [Поршнева, 2014: 39]. Невозможность вернуться в родную страну и желание сохранить привитые в детстве традиции и идеалы нашли свое воплощение в эмигрантских произведениях, написанных по свежим воспоминаниям.

А.И. Балабан рассмотрела проблему поиска национальной идентичности в творчестве уроженки Российской империи, ставшей в эмиграции французской писательницей, Ирен Немировски [Балабан, 2014]. Как и другие писатели первой волны русской миграции, в своем творчестве Ирен обращалась к трагизму и безысходности эмигрантского положения. В то время ассимиляция воспринималась как угроза, связанная с потерей корней и чувства причастности к родному народу. Тем не менее, Ирен принадлежала к числу тех немногих русских эмигрантов, кто смог приблизиться к культурной ассимиляции. Будучи подопечной у гувернантки-француженки, писательница еще с раннего детства была хорошо знакома с культурой Франции. Ирен предпочитала французский язык, выбирая его как для устной, так и для письменной коммуникации, а став взрослой начала считать себя членом французского общества, посвящая свои работы

французскому народу. Например, в письме 1939 г. Немировски рассказывает о том, как в иностранных печатных изданиях и на радио она всегда старалась вызывать у публики любовь к этой стране [Балабан, 2014: 914]. Обратим внимание и на то, что жизнь и творчество Ирен исследуют ученые, ориентированные именно на французское наследие. Существует множество биографий, таких как «Жизнь Ирен Немировски», авторами которой являются О. Филиппон и П. Лиенхард.

Ученые отмечают, что Ирен успешно удалось интегрироваться в французское общество, однако, когда немцы оккупировали Францию, писательница и ее муж оказались по законам того времени иностранцами еврейского происхождения. 13 июля 1942 г. Ирен была арестована и отправлена в Освенцим, где погибла 19 августа того же года. Только обратившись к творчеству Немировски А.И. Балабан удалось выяснить, наступило ли отчуждение накануне ареста, или это произошло задолго до этого.

Трагическая история мальчика-эмигранта Исмаэля Баруха представляется в произведении «Гениальный мальчик» (1927 г.). Оказавшись вдали от родины, одаренный главный герой стал терять свои способности, а возвратившись обратно понял, что стал для своих «чужаком», что привело героя к самоубийству. А.И. Балабан отмечает, что уже в 20-х годах Ирен осознавала тяжесть судьбы эмигрантов. В романе «Давид Гольдер» (1929 г.) молодой еврей Давид Гольдер покидает Одессу и переезжает в Париж. Добиваясь успеха в бизнесе, герой утратил свои корни – социальное положение оказалось выше культурных ценностей. Такая потеря национальной идентичности стала причиной трагедии эмигранта, мучавшегося осознанием бесполезности и умершего в одиночестве [Балабан, 2014: 915]. Противоположный процесс происходит в повести «Няня» (1931 г.), в котором русская женщина Татьяна эмигрирует вслед за семьей господ Кариных, но не преуспевает в адаптации к новым условиям. Как и в двух предыдущих историях, героиня погибает.

В книге «Властитель Душ» Ирен знакомит читателя с совершенно другим образом. Первая часть книги повествует о «моральном падении» эмигранта по имени Дарио Асфара, однако во второй части он превращается в успешного, обеспеченного шарлатана, заботливого мужа и отца. Однако французское общество относит его к категории «чужого» из-за внешних азиатских черт. Даже несмотря на то, что Дарио является квалифицированным специалистом, его медицинская практика находится в зоне риска. Ассимиляция – та мечта, к которой герой упорно стремится всей душой. Затуманенный чужой культурой, Дарио восхищается другой женщиной, отмечая, что она обладает всеми достоинствами француженки. Таким образом, постоянное тяготение к «чужому» превращает Дарио в «чужого» и для французского общества, и для родных.

А.И. Балабан классифицировала героев-мигрантов следующим образом:

- 1) герой-жертва, не сумевший ассимилироваться и стать «своим» среди «чужих»;
- 2) герой-разрушитель, стремящийся к ассимиляции и уничтожающий всё на своем пути.

Таким образом, тема «свой – чужой» нашла особую, трагическую, интерпретацию в творчестве писательницы. Образ эмигранта играет ключевую роль в творчестве Ирен Немировски. Тема отчуждения, невозможность полной ассимиляции и одиночество ведут к тому, что «эмигрантство» превращается в метафоричный, тяжелый диагноз.

Говоря о классификации эмигрантов, стоит упомянуть интересную работу С.А. Дуловой, посвященную творчеству С. Довлатова [Дулова, 2009]. Некоторые исследователи считают, что оригинальная манера творчества писателя заключалась в описании жизни героев, находящихся на низких социальных позициях, другие отмечают простоту повествования, без подробных описаний событий и философских рассуждений. Тем не менее, проблема героя получила особое распространение и стала причиной

возникновения ряда классификаций. С.А. Дулова выделяет одну из них, принадлежащую критику Н. Анастасьеву:

- 1) «люди преуспевающие» (номенклатурные работники);
- 2) «фигуры обочинные» (аутсайдеры);
- 3) эмигранты.

Критик подчеркивает, что эмигранты Довлатова выделяются тем, что не тоскуют по родине, а пытаются правильно приспособиться к новым условиям. Однако, по теории Н. Анастасьева, эмигранты являются пьющими, нетрудолюбивыми людьми, нравственностью не отличающимися.

Следующая классификация принадлежит И. Сухих [Сухих, 1996]:

- 1) номенклатурные единицы;
- 2) диссиденты.

Особое внимание автор обращает на дополнительный тип – «внутренних эмигрантов» – людей, неопределившихся во внутренней принадлежности к той или иной культуре. Одним словом – маргиналов. Тип «внутреннего мигранта» раскрывается через непринятие законов и установок, характерных для общества, в котором герой оказался.

Сам же Довлатов классифицирует только образы мигрантов, разделяя их на 4 типа:

- 1) политические;
- 2) экономические;
- 3) художественные;
- 4) авантюрные.

С.А. Дулова взяла за основу последнюю классификацию, рассматривая «наиболее художественно выражительные и типичные образы». Экономические мигранты способны удовлетворять материальные потребности, в то время как «авантюристы» являются людьми вечно недовольными. Для таких эмигрантов необходимость в трудоустройстве стала неожиданностью, и они выбрали пособие. Понятие художественного эмигранта говорит само за себя – это человек с творческим потенциалом. Тем

не менее, художественным эмигрантам приходилось труднее всех, т.к. языка они чаще всего не знали, профессию менять не собирались, а получать пособие считали делом постыдным [Дулова, 1991: 74]. Довлатов называл их «неудачниками», несмотря на то, что многие из них были знамениты. К этому типу Довлатов причислял и рассказчика, так называемое *alter ago* писателя.

В работе Е.Ю. Микалаускайте «Дискурсивная обработка культурной чужеродности в литературном ксенонарративе: коммуникативно-прагматический аспект» [Микалаускайте, 2019] представлены результаты исследования по выявлению и описанию функционально и прагматически обусловленных языковых и культурно-конвенциональных средств дискурсивной обработки коммуникативного контекста чужеродности в романах *Die undankbare Fremde* и *Girt in translation*. Литературный ксенонарратив здесь представляет собой литературное повествование, отражающее опыт межкультурного взаимодействия, передающийся от автора к читателю. Так, на основе представленных художественных текстов были выявлены следующие особенности вербально дискурсивной обработки: семантические оппозиции, местоименный дейксис, образные сравнения, противопоставления культурных пресуппозиций мигранта. Также были выявлены две основные стратегии, реализующие функцию минимизации стресса адаптации автора – стратегия идентификации чужеродности и стратегия языковой аккультурации.

Дискурсивный анализ художественного текста – романа Э.М. Ремарка *Arch of Triumph*, опубликованного в США в 1945 году – был проведен в исследовании А.О. Мокрищевой «Стратегии и тактики презентации эмигранта в романе Э.М. Ремарка *Arch of Triumph*» [Мокрищева, 2019]. В рамках дилеммы «свой – чужой» были разработаны две стратегии представления эмигранта – как «чужого» и как личности с богатым жизненным опытом.

Стратегия репрезентации эмигранта как «чужого» позволила сравнить эмигрантов с французами. В данном романе эмигранты представлены в негативном ключе, как чужеземцы, не имеющие документы и незаконно использующие ресурсы страны. Таким образом, были рассмотрены две тактики, лежащие в основе данной стратегии: тактика подчеркивания бесправности эмигранта и тактика использования негативных номинаций по отношению к эмигранту. Было установлено, что для реализации первой тактики активно используются конструкции с отрицательной частицей *not*: *can't practice, you aren't naturalized, isn't allowed to practice*. Лексические единицы *illegal, illegally* также указывают на противозаконные действия эмигранта, на осуществление которых у него нет официальных прав.

Вторая тактика заключается в использовании слов с негативной коннотацией, как при описании самих эмигрантов, так и при характеристике чувств и эмоций по отношению к ним. Например, лексическая единица *Sales étrangers* (фр. «грязные иностранцы») использована владельцем французского отеля как прямое оскорбление эмигрантов. Также было обнаружено, что использование французом «своего» языка удваивает эффект противопоставления эмигранта французу.

Исследуемая стратегия репрезентации эмигранта как личности с богатым жизненным опытом показательно раскрывает особенности тяжелой жизни эмигранта, а также временное соотношение пережитых событий и накопленных знаний. Данная стратегия реализуется посредством тактики представления негативного опыта эмигранта, а также тактики подчеркивания опыта при помощи временных указателей. Тактика представления негативного опыта эмигранта была определена как описывающая трагические события в судьбе эмигранта, связанные с потерей, войной, тюремным заключением и т.д. Лексическая единица *(to) experience* наряду с такими семантическими средствами как *to see a lot, go through, eventful living*, а также описательные конструкции внешности героев легли в основу реализации данной тактики в романе.

В реализации тактики подчеркивания продолжительности опыта эмигранта был сделан акцент на временные рамки, указывающие, как правило, на длительное пребывание героя в том или ином состоянии, а также на долгий период времени, потраченный на приобретение навыков. Основным языковым средством была представлена лексема *years*, используемая с числительными и в составе конструкции *for many years*.

Таблица 2. Стратегии и тактики репрезентации эмигранта в романе Э.М. Ремарка *Arch of Triumph*

Стратегия репрезентации эмигранта как чужого		Стратегия репрезентации эмигранта как личности с богатым жизненным опытом	
Тактика подчеркивания бесправности эмигранта	Тактика использования негативных номинаций по отношению к эмигрантам	Тактика представления негативного жизненного опыта эмигранта	Тактика подчеркивания продолжительности опыта эмигранта
<i>can't practice you aren't naturalized isn't allowed to practice</i>	<i>Sales étrangers</i>	<i>(to) experience to see a lot go through eventful living</i>	<i>years + числительные</i>
	<i>hatred of foreigners</i>	<i>описательные конструкции</i>	<i>for many years</i>
<i>Illegal, illegally</i>			

Таким образом, эмигрант в литературе представляет собой фигуру неоднозначную, что объясняет разнообразие представлений данного образа, а также аспектов его изучения в разных исследованиях. Так, в своей работе А. Балабан делает акцент на поиске национальной идентичности и самоидентификации в творчестве эмигрантки Ирен Немировски, С. Дулова представляет авторские классификации эмигрантов в творчестве С. Довлатова, основанные на поведенческих характеристиках каждого типа. Работа Е.Ю. Микалаускайте посвящена выявлению и описанию средств и способов дискурсивной обработки культурной чужеродности в литературном ксенонarrативе, а в произведении Ремарка эмигрант анализируется с точки стратегий, реализуемых при его непосредственном описании.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Эмигрант – это индивид, который в силу определенных обстоятельств уехал из родной страны в другую. С феноменом эмиграции тесно связана категория «свой – чужой», представляющая собой взаимоотношения представителей одного общества к членам других групп. На когнитивном уровне, только после познания собственного «Я» человек способен разделять мир по дихотомии «свои – чужие». Так, идентифицируя себя как представителей одного лингвокультурного сообщества, жители новой для эмигранта страны будут неизбежно маркировать его, представителя другой культуры, чужим, поскольку его паттерны поведения, нормы, ценности и язык будут отличаться от того, к чему они привыкли. Наряду с «чужими» и «своими» есть еще «другие» – члены группы, отличающиеся от своих собратьев, но не в рамках враждебной коннотации.

Оказываясь в чужеродной среде, в зависимости от ситуации эмигрант прибегает к определенным стратегиям аккультурации, процесса вхождения в новую культуру – ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции. Выбор стратегии, как правило, определяется индивидом, но может также быть навязан доминирующей культурой, например в форме сегрегации – изоляции меньшинств.

Художественная литература является хранилищем культурного материала и характеризуется двумя основными признаками – ярко выраженной эстетической функцией языка, основой которой является образность, и функциональностью – вовлечением в процесс повествования вымышленных персонажей и обстоятельств. В рамках межкультурной коммуникации художественный текст имеет особую значимость, поскольку он может содержать ценную культурную информацию, вычленить и проанализировать которую помогает дискурсивный анализ – метод выявления социального контекста внутри устной или письменной речи,

позволяющего описывать и интерпретировать смыслы и образы в художественных произведениях.

В свете темы эмиграции были рассмотрены исследования художественных произведений, главными героями которых являются эмигранты. Так, были представлены классификации эмигрантов по разным признакам в работах А.И. Балабан и С.А. Дуловой. В работе Е.Ю. Микалаускайте были приведены особенности дискурсивной обработки чужеродности в литературном ксенонarrативе, а в статье А.О. Мокрищевой были описаны средства, реализующие стратегии и тактики репрезентации эмигранта в романе Э.М. Ремарка *Arch of Triumph*.

**ГЛАВА 2. СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ,
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ОБРАЗ ЭМИГРАНТА В РОМАНАХ
ДЖ. ЛАХИРИ**

2.1. Произведения Джумпы Лахири как источник описания межкультурного взаимодействия

Американская литература в рамках темы эмиграции представляет особенную ценность – литературное творчество представителей данной страны активно поддерживает мультикультурную традицию в связи с расово-этническим, языковым, а также религиозным разнообразием, характеризующим американское общество.

Джумпа Лахири – псевдоним американской писательницы бенгальского происхождения (настоящее имя Nilanjana Sudeshna), обладательницы Пулитцеровской премии и других литературных наград, автор произведений «Толкователь болезней» (*Interpreter of Maladies*), «Тезка» (*The Namesake*), «На новой земле» (*Unaccustomed Earth*) и др. [Шевченко, Несмелова 2019: 198]. С 2005 года является вице-президентом Американского ПЕН-центра, а с февраля 2010 года Джумпа стала членом Комитета по искусству и гуманитарным наукам при президенте США. Эмигранты являются главными героями ее произведений неспроста – сама автор переехала из Индии в США вместе с родителями, где училась в колледже в Нью-Йорке, а после поступила в Бостонский университет.

В своих интервью Джумпа Лахири нередко указывает на сложность своей самоидентификации в вопросе культурной принадлежности. На вопросы о том, какая культура, индийская или американская, имела большее влияние, и какую она может по праву считать родной, автору сложно ответить. “*I feel very much of combination*” отвечает Джумпа в одном из интервью, делая вероятную ссылку к стратегии интеграции – самому оптимальному способу удержаться между двух культур и сохранить баланс.

В прозе Джумпы Лахири отражены разные оттенки и стороны эмиграции, основанные на опыте самого автора. В произведении *An Unaccustomed Earth* представлены очерки из жизни нескольких индийских эмигрантов. Каждая история – это новая семья, с разными проблемами и особенностями, с разным опытом эмиграции и отношением к ней. В романе *The Namesake* события разворачиваются внутри одной семьи – Гангули – после того, как родители, бенгальцы Ашима и Ашок, решают переехать в Америку. Основная сюжетная линия посвящена их жизни с детьми (сыном Гоголем и дочерью Соней), в повествовании речь также идет об эмигрантском опыте, изменениях, волнениях и прочих особенностях жизни в чужой стране.

Роман *The Namesake* несколько недель публиковался в списке бестселлеров New York Times и был экранизирован в 2006 году. На сайте GradeSaver представлено подробное описание романа и его анализ, а также составлен глоссарий из интересных слов на бенгали. Имя главного героя – Гоголь – привлекает внимание читателей, так в одном из интервью Джумпа Лахири рассказывает о том, что такая идея появилась давно, и она напрямую связана с ее родиной, с мальчиком по имени Гоголь, которого она когда-то встретила.

Награды, интервью и все внимание к творчеству американской писательницы бенгальского происхождения Джумпы Лахири отражают интерес со стороны читателей и литературных сообществ к ее творчеству. Это также говорит об актуальности вопросов и тем, которые затрагиваются и раскрываются в ее произведениях. Джумпа Лахири пишет произведения через призму собственного опыта межкультурного взаимодействия, представляя читателю его самые интересные, сложные и противоречивые аспекты с помощью героев, которые, подобно Джумпе Лахири, вынуждены выбирать путь на пересечении двух культур – индийской и американской.

2.2. Параметрическая модель культуры Г. Хофстеде: американская и индийская культуры

Для анализа стратегий аккультурации необходимо рассмотреть особенности американской и индийской культур, которые легли в основу произведений Джумпы Лахири.

Изучение определенного феномена культуры на основе интракультурного анализа лежит в основе *кросс-культурных исследований*, значимый вклад в развитие которого внес голландский психолог Г. Хофстеде. Опубликовав свою научную книгу *Culture's Consequences* (1980, новое издание 2001), Герт Хофстеде (1928-2020) стал основоположником сравнительных межкультурных исследований. Его самая популярная книга *Cultures and Organizations: Software of the Mind* (1991, новое издание 2010, в соавторстве с Михаилом Минковым) к настоящему времени переведена на 20 языков. Статьи Герта Хофстеде были опубликованы в журналах по социальным наукам и менеджменту, он получил международное признание за разработку первой эмпирической модели «измерений» национальной культуры, создав тем самым новую парадигму учета культурных элементов в области международной экономики, коммуникации и сотрудничества. Благодаря разнообразию академической и культурной деятельности во многих странах мира, Хофстеде можно считать одним из ведущих представителей межкультурных исследований. Результаты его исследований, а также теоретические идеи используются в психологии и менеджменте по всему миру. Так, одним из самых известных его исследований стал сравнительно-культурный анализ производственно-ориентированных ценностных представлений сотрудников мультикультурной корпорации *IBM* более чем в 50-ти странах мира, позволивший профессору разработать свою параметрическую модель, по которой можно сопоставлять системы ценностей национальных культур

[Куликова, 2004: 74]. В результате были определены четыре основных *культурных измерения* – универсальных аспектов любой культуры:

- 1) дистанция власти (Power Distance);
- 2) коллективизм/индивидуализм (Individualism);
- 3) терпимость к неопределенности (Uncertainty avoidance);
- 4) феминность/маскулинность (Masculinity);
- 5) долгосрочная ориентация (Long Term Orientation);
- 6) потакание желаниям (Indulgence).

Рассмотрим и сопоставим представленные аспекты подробнее на примере индийской и американской культур с помощью сайта *Hofstede Insights* [Hofstede Insights], который размещает материалы, помогающие анализировать культурный фактор и работать с ним в рамках организации работы внутри предприятий, а также с помощью работы *Cultures and organizations: Software of mind* [Hofstede, Minkov, 2010].

Дистанция власти

Данный параметр характеризует отношение общества к социальным неравенствам и различным формам иерархии. Хофтеде объясняет этот аспект как степень приемлемости подчиненными неравномерного распределения власти в различных общественных структурах (школа, работа, семья и т.д.) [Куликова, 2004: 75].

Индия высоко оценивает это измерение – 77 баллов, что свидетельствует о высокой оценке иерархии и нисходящей структуры в обществе и организациях. Таким образом, индийская культура приветствует зависимость от вышестоящих: в семье родители направляют, мотивируют, и вознаграждают за послушание. Как в работе власть является централизованной, так и в семье все решения принимаются «сверху» – старшими братьями/сестрами и родителями, а дети ожидают четкого указания относительно своих функций и того, что от них ожидается. Коммуникация сверху вниз директивна – обратная связь, положительная и отрицательная, как правило, вверх по лестнице не предлагается.

Американская культура демонстрирует более лояльное отношение к иерархии – 40 баллов, что говорит о взаимозависимости между всеми элементами системы. В первую очередь это отражается в отсутствии явных статусных и/или классовых различий в обществе. Типичная для других культур с низким баллом по этому измерению, иерархия в американских организациях и семьях устанавливается лишь формально – начальники всегда открыты к общению, а родители готовы обсуждать и решать с детьми всевозможные проблемы и вопросы. Таким образом, американцы более свободно делятся информацией, вне зависимости от положения в группе. В рамках коммуникации американцы ценят прямой обмен информацией и обратную связь.

Коллективизм/индивидуализм

Приоритеты, расставляемые между индивидуальными интересами и интересами группы, варьируются от одной культуры к другой. Данный параметр разделяет общества на *коллективистские* и *индивидуалистские* с целью классифицировать культуры, ориентированные на индивида и культуры, ориентированные на коллектив. Фундаментальным вопросом, рассматриваемым в этом измерении, является степень взаимозависимости, которую общество поддерживает между своими членами. Это имеет отношение к тому, определяется ли самооценка людей в терминах «я» или «мы». В индивидуалистических обществах люди должны заботиться только о себе, своих нуждах, своей семье, высоко ценится собственное мнение и саморазвитие. В коллективистских обществах люди принадлежат к группам, которые заботятся друг о друге и представляют собой систему взаимозависящих элементов, ценится гармония в группе. Согласно модели Хофстеде, индийская культура занимает промежуточную позицию – 48 баллов, а американская является чисто индивидуалистской, демонстрируя 91 балл.

Интересно отметить, что Индия представляет собой общество как с коллективистскими, так и с индивидуалистическими чертами, представляя 48

баллов по данному параметру. Коллективистская сторона проявляется в предпочтении принадлежности к более широкой социальной структуре, в которой индивиды должны действовать для общего блага. В таких ситуациях на действия индивида влияют различные концепции: мнение его семьи, дальних родственников, соседей, рабочего коллектива и других таких более широких социальных групп, к которым он имеет некоторую принадлежность.

Для представителя коллективистской культуры быть отвергнутым своими коллегами, родственниками или ровесниками – большой страх, поскольку гармоничные отношения в такой культуре будут основаны на одобрении со стороны окружения в любой сфере жизни. Успехи в работе и продвижение по карьерной лестнице могут быть как заслугой самого индивида, так и результатом влияния родственных и дружеских связей – межличностные отношения ценятся выше, чем дело. Индивидуалистический аспект индийского общества тесно связан с религией: индийцы верят в цикл смерти и перерождение, которое зависит от того, как человек прожил предыдущую жизнь. В связи с этим, люди несут личную ответственность за то, как они ведут свою жизнь, и за то, какое влияние это окажет на их перерождение. Данный индивидуалистический аспект взаимодействует с коллективистскими тенденциями индийского общества, что приводит к его промежуточной оценке в этом измерении.

Американская культура по праву считается одной из самых индивидуалистичных культур мира, демонстрируя высокий балл – 91. Это хорошо прослеживается в американской позиции «свободы и справедливости для всех», а также в явных акцентах на равноправии во всех аспектах жизни американского общества и правительства. Общество с высоким показателем индивидуализма не отличается особой сплоченностью, поэтому люди в нем заботятся только о себе и своих ближайших семьях, полагаясь только на себя. Во всех сферах жизни американцы должны быть самостоятельными, проявлять инициативу, а также доказывать свой успех и профессионализм

действительными заслугами. Выполнение задачи для американцев превалирует над личными взаимоотношениями.

Маскулинность/фемининность

Третье культурное измерение своей параметрической модели Хоффстеде определил как «маскулинность/фемининность». Данный аспект его классификации связан не с биологическими различиями между мужчинами и женщинами как абсолютной категорией, а соотносится с выполнением ими типичных для каждого общества социальных ролей [Там же: 83]. Так, члены маскулинной культуры будут стремиться к успеху, карьерному росту, материальному благополучию. Женские культуры, напротив, будут ориентироваться на семейное благополучие, поддержание хорошей атмосферы в коллективе, а также улучшение человеческих взаимоотношений и качества жизни.

Оценка США по маскулинности высока (62 балла), что можно увидеть в типичных американских поведенческих паттернах. Американцы открыто демонстрируют желание доминировать, быть лучшими и успешными как в школе, так и на работе. Им характерна инициатива в коммуникации и открытое выражение собственной позиции. Также, представители маскулинных и преимущественно маскулинных культур склонны демонстрировать свои успехи и достижения, работать с целеполаганием и планированием. Американской культуре свойственен так называемый менталитет «могу-делаю», который характеризует общество как динамичное и работоспособное.

Индия набирает 56 баллов по данному показателю и, таким образом, также тяготеет к маскулинности. Индия на самом деле очень мужественна с точки зрения демонстрации успеха и власти, однако в то же время она представляет религиозную, философскую культуру, с уроками о ценности смирения и воздержания. Именно это сдерживает некоторые маскулинные проявления. Работа является важной частью жизни индийца, однако домашний уют не уходит на второй план – соблюдение семейных традиций и

ритуалов, забота о родственниках, сплоченность и стремление к поддержанию атмосферы уюта и гармонии – то, что придает индийской культуре баланс, не позволяя уйти в крайности фемининности или маскулинности.

Терпимость к неопределенности

Показатель терпимости к неопределенности отражает степень тревожности членов общества по отношению к неясным, незнакомым, незапланированным ситуациям. Данный аспект представляет собой эмоциональное восприятие людьми неожиданных событий. Культуры, характеризующиеся высокой степенью терпимости, принимают все возникающие обстоятельства как должное, реагируют спокойно, рационально, воспринимая неожиданности как нечто странное, но не критичное. Представители культур с низкой терпимостью чувствуют дискомфорт, эмоциональное напряжение, а также склонны к постоянному планированию.

По данному показателю Индия набирает 40 баллов и, таким образом, демонстрирует средние предпочтения в отношении неопределенности. Дело в том, что в Индии существует принятие несовершенства – ничто не должно быть совершенным и происходить согласно планам и ожиданиям. Индийская культура терпелива, она рассматривает неожиданности как перерыв от монотонности и рутины. Индийцы умеют приспосабливаться, но не нуждаются в постоянных переменах и не любят рисковать, что соответствует показателю по данному параметру.

Америка показывает похожий балл – 46. Американцы, как правило, терпимы к идеям или мнениям от кого бы то ни было и допускают свободу самовыражения, они идут в дорогу со временем, приветствуя инновации и эксперименты. Представители данной культуры не требуют много правил и умеренно эмоционально экспрессивны, однако нередко возникающие политические и социальные напряжения требуют поддержание необходимого контроля для организации безопасности.

Долгосрочная ориентация

Это измерение описывает, как каждое общество взаимодействует со временем – прошлым, настоящим и будущим, решая проблемы, расставляя приоритеты и создавая планы. Общества с низким показателем по данному параметру предпочитают поддерживать освященные веками традиции и нормы и обращаться к прошлому. Культуры с высокими показателями придерживаются более прагматичного подхода: они поощряют бережливость и усилия в настоящем как способ подготовки к будущему.

Соединенные Штаты в данном измерении имеют низкую оценку – 26 баллов. Всё дело в том, что Американцы склонны анализировать новую информацию, чтобы проверить, соответствует ли она действительности. Пусть, согласно данному показателю, американцы не очень прагматичны, но они практичны. Также у многих американцев очень сильные представления о том, что такое «добро» и «зло» – это может касаться таких вопросов, как abortionы, употребление наркотиков, эвтаназия, оружие или взаимоотношения правительства и граждан. Американские компании оценивают свою деятельность на краткосрочной основе, а отчеты о прибылях и убытках публикуются ежеквартально. Это также побуждает людей стремиться к быстрым результатам на рабочем месте и подтверждать мысль о том, что долгосрочная ориентация характерна для американской культуры частично.

С промежуточным баллом 51 в аспекте долгосрочной ориентации конкретное предпочтение в индийской культуре определить сложно. В Индии существует понятие "кармы", доминирующее в их религиозной и философской мысли. Для представителей данного общества время не линейно и, следовательно, не так важно. Такие страны, как Индия, проявляют большую терпимость к религиозным взглядам со всего мира. Сами они часто считают Индуизм философией в большей степени, чем религией – это слияние идей, взглядов, практик и эзотерических верований. В Индии принято считать, что существует много истин и что они часто зависят от ищущего.

Потакание желаниям

Данное измерение определяется как степень, в которой люди пытаются контролировать свои желания и импульсы, основываясь на том, как они были воспитаны. Относительно слабый контроль называется *indulgence*, а относительно сильный *restraint*. Поэтому культуру можно охарактеризовать как *снисходительную* или *сдержанную*.

Индия демонстрирует 26 баллов в данном измерении и представляет собой культуру сдержанности. Общества с низким баллом в этом измерении имеют тенденцию к цинизму и пессимизму. Кроме того, в отличие от снисходительных обществ, сдержанные культуры не придают большого значения досугу и контролируют удовлетворение своих желаний. Интересы и действия представителей индийской культуры ограничены социальными нормами, им не свойственно потакать своим желаниям.

Американская культура противопоставляется индийской в данном аспекте и показывает более высокий параметр – 68 баллов. Таким образом, американцам не стоит труда побаловать себя, пойти на поводу у своих желаний и сделать то, чего очень хочется. С одной стороны, это помогает обществу наслаждаться жизнью и не отказывать себе в приятных мелочах, однако в то же время, некоторые вещи сильно сказываются на здоровье и психике данной культуры.

Таким образом, мы можем увидеть, насколько разные культуры представляют такие страны как Индия и Америка. Все вышеперечисленные данные представлены в сравнительной Таблице 3, которая позволяет сопоставить характеристики культур и подтвердить их разницу в отношении разных аспектов жизни.

Таблица 3. Параметрическая модель Хоффстеде: Индия и Америка

	Американская культура	Индийская культура
Дистанция власти	40	77
Коллективизм/индивидуализм	91	48
Феминность/маскулинность	62	56
Терпимость к неопределенности	46	40
Долгосрочная ориентация	26	51
Потакание желаниям	68	26

2.3. Репрезентация образа эмигранта через стратегии аккультирации

В произведениях Джумпы Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth* события развиваются внутри семей бенгальского происхождения, которые по разным причинам решили переехать из Индии в Америку. В данном параграфе мы проанализируем некоторые фрагменты художественных текстов данных произведений на предмет реализации стратегий аккультирации героев-эмигрантов: интеграции, сепарации, ассимиляции и маргинализации.

2.3.1. Стратегия интеграции

Стратегия интеграции представляет собой самый сбалансированный и оптимальный путь в рамках межкультурного взаимодействия. Она способствует сохранению своих корней и гармоничному существованию в чужеродной среде посредством знакомства с ней и поиска компромисса.

В бенгальских семьях культура и традиции уважаются и чтутся вне зависимости от местоположения членов семьи, однако герои произведений Джумпы Лахири не всегда «замыкаются» внутри своей культуры. Так,

приезжая в Америку, эмигранты учат английский язык и активно общаются на нем, отправляют своих детей в американские школы, где они проводят время с американскими друзьями и т.д. При этом, родители стараются поддерживать атмосферу родной культуры дома, тем самым создавая комфортную обстановку для изучения новой культуры и сохранения своей.

Говоря о языке коммуникации, отметим, что, как правило, английский язык используется для общения вне дома – в школе, на работе, или при взаимодействии с англоязычными друзьями семьи, но бывают и исключения. Между собой, сохраняя связь с родной культурой, эмигранты могут общаться на бенгали, а также обучать родному языку маленьких детей: бенгальцы поют колыбельные песни, читают стихи, рассказывают сказки и легенды. Стратегия интеграции здесь реализуется на уровне общения героев произведений – эмигранты поддерживают коммуникацию как на английском языке, так и на бенгали, в зависимости от партнера по коммуникации.

But Ruma disagreed. It was her mother who would have been the helpful one, taking over the kitchen, singing songs to Akash and teaching him Bengali nursery rhymes, throwing loads of laundry into the machine (Lahiri, 2008: 18).

В данном фрагменте из романа *Unaccustomed Earth* мать главной, тоже эмигрантка, учит своего внука бенгали – поет песни и рассказывает стишкы, одновременно занимаясь домашними делами.

“What color is it?” her father asked.

“Red.”

“And in Bengali?”

“Lal.” (Lahiri, 2008: 56).

В примере из того же произведения эмигрантка Рума обучает своего сына, рожденного в Америке, национальному языку. Стратегия интеграции здесь проявляется в стремлении матери-эмigrantki научить сына обоим языкам, тем самым сохранить баланс между национальными корнями и средой, в которой малыш будет расти, вероятно, как билингв.

Интересно отметить, что в англоязычных диалогах бенгальцы могут оставлять наименования родственников сベンгальского языка – *baba*, *didi*, *dida* и т.д. В процессе чтения такие наименования не отвлекают от общего повествования, наоборот – они придают атмосферу гармонии в межкультурном взаимодействии и показывают компромиссное поведение бенгальских семей по отношению к родному языку и языку той новой лингвокультурной среды, в которой они оказались. Наименования национальной еды и традиций в произведениях также не переводятся, однако для понимания они сопровождаются уточняющими словами.

But sometimes, on a Sunday, both craving the food they'd grown up eating, they ride the train out to Queens and have brunch at Jackson Diner, piling their plates with tandoori chicken and pakoras and kabobs, and shop afterward for basmati rice and the spices that need replenishing (Lahiri, 2008: 112).

Уточняющее слово *chicken* в словосочетании *tandoori chicken* дает читателю примерное представление о том, что основным его ингредиентом является курица, цыпленок. Ниже представлена Таблица 4 с прочими наименованиями членов семьи и еды на бенгальском языке.

Таблица 4. Наименования членов семьи и еды на бенгали

Члены семьи	
Baba	отец
Didi	старшая сестра
Dida	бабушка
Mashis, meshos	тети, дяди
Наименования традиционной еды	
payesh	рисовый пудинг
biryani	блюдо из риса и специй с добавлением мяса

	или рыбы
dal	традиционный индийский суп-пюре из бобов, овощей и множества других ингредиентов
luchis	воздушные индийские хлебцы
chutney	пряный ананасовый соус
sandheses	сырные шарики
rotis	индийские лепешки
begunis	индийская закуска из баклажанов
tandoori	курица/цыплята запечённые в печи тандури

1) “*You’re always welcome here, Baba,*” she’d told her father on the phone. “*You know you don’t have to ask.*” (Lahiri, 2008: 16).

2) “*Dida, I’m coming,*” Ashima had said (Lahiri, 2004: 22).

Данные примеры иллюстрируют то, как на уровне общения реализуется стратегия интеграции: эмигранты Рума (пример 1) и Ашима (пример 2) в общении на английском языке обращаются к своим родственникам наベンгали. Таким образом, стратегия интеграции здесь реализуется с помощью лингвистических средств – лексем языкаベンгали, используемых в коммуникации на английском языке, а также в ситуациях бытового общения, когда эмигранты поддерживают знания языка родной культуры и изучают язык новой.

Стратегия интеграции нашла воплощение не только в коммуникации героев-эмигрантов и языке повествования, но и в другом важном элементе культуры – пище. Бенгальцы трепетно относятся к своим традиционным блюдам, превращая любой обед и ужин в праздник: они любят пряности и яркость вкуса, а также не жалеют места на столе – индийские приемы пищи

характеризуются изобилием блюд даже в простые, не праздничные дни. Стратегия интеграции здесь проявляет себя у ситуациях бытового общения: бенгальцы начинают постепенно комбинировать традиционные индийские блюда с американскими, а также несколько сокращают количество блюд, представленных на столе для одного приема пищи. Основным маркером данной стратегии является упоминание продуктов, характерных для американской кухни, в контексте покупок и приемов пищи эмигрантов-бенгальцев.

Яркими примерами реализации данной стратегии выступают следующие отрывки из произведения Джумпы Лахири *The Namesake*:

1) *In the supermarket they let Gogol fill the cart with items that he and Sonia, but not they, consume: individually wrapped slices of cheese, mayonnaise, tuna fish, hot dogs. For Gogol's lunches they stand at the deli to buy cold cuts, and in the mornings Ashima makes sandwiches with bologna or roast beef. At his insistence, she concedes and makes him an American dinner once a week as a treat, Shake 'n Bake chicken or Hamburger Helper prepared with ground lamb* (Lahiri, 2004: 35).

2) *They purchase a barbecue for tandoori on the porch in summer.*

В данных фрагментах речь идет об эмигрантах-родителях по имени Аshima и Ашок, которые стали разрешать своим детям складывать в корзинку для покупок нехарактерные для индийской культуры продукты: майонез, тунец, хот доги. Родители также стали готовить сэндвичи, покупать рыбное ассорти и делать барбекю.

2) *When she cooked Indian food for Adam she could afford to be lazy. She could do away with making dal or served salad instead of a chorchori* (Lahiri, 2008: 34).

Эмигрантка Рума в произведении *Unaccustomed Earth* живет с мужем-американцем по имени Адам и продолжает готовить индийские блюда. Однако девушка также стала готовить блюда американской кухни. Так, в примере указано, что Рума иногда готовит простой салат вместо

традиционного блюда «чорчори». Данный пример еще раз подчеркивает то, как реализуется стратегия интеграции в рамках приема пищи представителей одной культуры в другой лингвокультурной среде.

Таким образом, самая оптимальная стратегия аккультурации – стратегия интеграции – в произведениях Джумпы Лахири реализуется и в тексте, и через описание поведения эмигрантов. Результаты исследования реализации стратегии интеграции представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Стратегия интеграции

	Стратегия интеграции			
	Языки коммуникации		Гастрономический аспект	
Ситуации бытового общения	Изучение английского языка	Сохранение языка бенгали	Приготовление традиционных индийских блюд	Приготовление блюд американской кухни
Лингвистические средства	Использование наименований членов семьи и традиционных блюд индийской кухни на бенгали в англоязычных диалогах <i>Baba, didi, tandoori, chorchori</i>			

2.3.2. Стратегия сепарации

Стратегия сепарации заключается в строгом разделении культур, в рамках которого эмигрант не готов перенимать нормы и ценности чужой культуры, отдавая предпочтение только своей. У эмигранта нет желания и стремления изучать особенности лингвокультурного сообщества, в котором он оказался, поэтому он выбирает путь сохранения своей национальной идентичности, замыкаясь в ней, без какого-либо движения в сторону чужой культуры. Другими словами, одна культура полностью отрицает культурную модель другой.

Одним из самых ярких проявлений стратегии сепарации является разделение объектов и действий в произведениях на «американское» и «бенгальское». Такое разделение неизбежно противопоставляет культуры

друг другу. Здесь стратегия сепарации, разбивающая все явления на две категории – свое (бенгальское) и чужое (американское), реализуется с помощью лексем *American* и *Bengali*. Следующие примеры показывают, как данные средства представлены в тексте произведений.

1) *His parents tell him that they each have two names, too, as do all their Bengali friends in America, and all their relatives in Calcutta* (Lahiri, 2004: 34).

2) *They are the first American friends she has made in her life* (Lahiri, 2004: 80).

Используя данное противопоставление автор демонстрирует то, как рассуждают эмигранты и как они разделяют людей и объекты по культурному признаку. Так, эмигранты выделяют бенгальских и американских друзей на уровне номинации, делая акцент на том, что эти люди принадлежат разным культурам, своей и чужой, хотя в рамках стратегии интеграции, например, они предположительно могли бы использовать лексему *friends* без какой-либо уточняющей информации в отношении культурной принадлежности.

Еще один способ реализации стратегии сепарации представляет собой отношение родителей к бракам между представителями бенгальской и какой-либо другой культуры, включая американскую. Некоторые бенгальские эмигранты-родители отрицательно относятся к данной перспективе и стараются оградить своих детей, используя разные пути убеждения и предотвращения такой ситуации. Рассмотрим следующие примеры.

Every so often a man called for Sang, wanting to marry her. Sang usually didn't know these men. Sometimes she had never even heard of them. But they'd heard that she was pretty and smart and thirty and Bengali and still single, and so these men, most of whom also happened to be Bengali, would procure her number from someone who knew someone who knew her parents, who, according to Sang, desperately wanted her to be married (Lahiri, 2008: 186).

В данном фрагменте представлено описание ситуации девушки-эмигрантки по имени Санг из сборника очерков *Unaccustomed earth*,

родители которой пытались самостоятельно найти своей дочери жениха. Именно родители, желающие поскорее выдать дочь замуж за бенгальца, занимались активным подбором кандидатов и делились номером телефона своей дочери, чтобы поспособствовать успешному браку с представителем своей культуры. Вероятно, все это было организовано для того, чтобы уменьшить риск брака своей дочери с американцем.

She had always been admonished not to marry an American, as had he, but he gathers that in her case these warnings had been relentless, and had therefore plagued her far more than they had him (Lahiri, 2004: 105).

Во втором примере речь идет об эмигрантке из того же романа, Мушуми. Реализация стратегии сепарации здесь представлена в первой части предложения: девушку предостерегали о том, чтобы она не выходила замуж за американца.

"You're too young to get involved this way," Ashoke and Ashima tell him. They've even gone so far as to point out examples of Bengali men they know who've married Americans, marriages that have ended in divorce (Lahiri, 2004: 59).

Эмигранты-родители Ашима и Ашок из романа *The Namesake* прибегают к другому способу и приводят примеры неудачных браков между бенгальцами и американцами. Так стратегия сепарации здесь реализуется на уровне негативных представлений о браках между представителями индийской и американской культур, которые активно навязываются родителями своим детям.

Следующий пример демонстрируют ситуацию, которая возникла на свадьбе двух бенгальцев-эмигрантов в Америке:

The heated silver chafing dishes are labeled for the American guests (Lahiri, 2004: 110).

Стратегия сепарации в данном контексте представлена более эксплицитно: в примере прямо говорится о том, что для американских гостей

на бенгальской свадьбе зарезервированы отдельные столы. Данный пример также демонстрирует яркое разделение культур со стороны эмигрантов.

Each time he obliges them and kisses his bride tamely on the cheek (Lahiri, 2004: 110).

На бенгальской свадьбе в Америке сохраняется традиция того, что жених целует невесту в щеку, а не так, как принято в европейском обществе – в губы. Так, культурная модель американцев, предполагающая поцелуй другого характера, отрицается эмигрантами даже при условии проведения свадьбы в другой культуре и с ее представителями-гостями. Таким образом, особенности организации свадьбы и брака в целом, как очень важных элементов каждой культуры, позволяют увидеть и проанализировать примеры реализации стратегии сепарации в обоих романах.

Следующий пример связан с традициями и ценностями культур, которые не всегда могут совпадать. Рисовая церемония в индийской культуре – это первый прием твердой пищи малыша. Одним из этапов церемонии является предсказание жизненного пути – выбор ребенком между ручкой, купюрой и молотком, где ручка олицетворяет жизненный путь ученого, земля – землевладельца, а купюра – бизнесмена. Рассмотрим часть данной церемонии, представленной в романе *The Namesake* Джумпы Лахири:

"Put the money in his hand!" someone in the group calls out. "An American boy must be rich!"

"No!" his father protests. "The pen. Gogol, take the pen." (Lahiri, 2004: 23).

Фрагмент иллюстрирует разницу в приоритетах и ценностях американской и индийской культур. На рисовой церемонии в Америке главный герой Гоголь, которого мы уже ранее неоднократно упоминали, должен сделать свой выбор. На церемонии присутствуют представители обеих культур. Так, в самый ответственный момент, мы наблюдаем две разные реакции: представители американского сообщества говорят о том, что мальчику следует выбрать деньги и тем самым встать на путь бизнесмена. Ответ отца не соответствует американской концепции успеха – Ашок не

воспринимает идею «американской мечты» и хочет, чтобы его сын выбрал ручку.

Так, стратегия сепарации снова представлена в нежелании представителя индийской культуры, эмигранта, воспринимать модель поведения американской культуры. Интересно отметить, что младшая сестра Гоголя делает выбор в пользу земли и купюры:

She plays with the dirt they've dug up from the yard and threatens to put the dollar bill into her mouth. "This one," one of the guests remarks, "this one is the true American" (Lahiri, 2004: 34).

В романах также нередко упоминаются предрассудки в отношении американской культуры со стороны эмигрантов. Чаще всего они связаны с распущенными, вседозволенным поведением, по мнению представителей бенгальской культуры. Рассмотрим некоторые примеры.

My mother considered the idea of a child sleeping alone a cruel American practice and therefore did not encourage it, even when we had the space. (Lahiri, 2008: 241).

Эмигрантка Хема в одном из очерков произведения *Unaccustomed Earth* рассказывает о том, что на протяжении многих лет, уже будучи взрослой, она продолжает спать в одной кровати с родителями. Девушка пыталась убедить их разрешить ей спать в своей комнате, на что ее мать дала отрицательный ответ. Более того, женщина сказала, что идея девушки об отдельном спальном месте взята из плохой, жестокой американской практики, тем самым представляя стратегию сепарации через критику американской модели поведения.

Действительно, эмигранты-бенгальцы в данных произведениях отождествляют Америку с понятием о свободе любого характера. Поскольку в индийской культуре алкоголь занимает практически табуированную позицию, отношение эмигрантов к нему чаще негативное, чем нейтральное, что не сказать об американцах. Следующий диалог также относится к

примерам, демонстрирующим предрассудки со стороны эмигрантов-бенгальцев:

"I think Rahul might have a drinking problem."

"Sudha, please," her mother said. After a pause she added, "I gather everyone at American colleges drinks."

<...>

"That's the problem with this country," her mother said. "Too many freedoms, too much having fun. When we were young, life wasn't always about fun." (Lahiri, 2008: 155).

Участниками данного диалога являются эмигранты Судха и ее мать. Девушка сообщает о своих опасениях в отношении брата, который стал злоупотреблять алкоголем, на что женщина дала крайне непрозрачный ответ – «в Америке так принято, во всех американских колледжах пьют алкоголь, и это проблема данной страны». Женщина говорит о том, что культурная модель Америки допускает слишком много свобод и слишком много веселья, поэтому она считает, что безрассудное увлечение ее сына алкоголем – это влияние американской культуры, в которой такое поведение является приемлемым. Стратегия сепарации здесь проявляет себя очень ярко, опять же в рамках критики и предрассудков в отношении чужой культуры.

Приведем еще пример того, как нехарактерное для бенгальской культуры поведение, особенно негативного характера, интерпретируется бенгальцами как соответствующее американской культуре.

At home, his mother is horrified. What type of field trip was this? It was enough that they applied lipstick to their corpses and buried them in silk-lined boxes. Only in America (a phrase she has begun to resort to often these days), only in America are children taken to cemeteries in the name of art. What's next, she demands to know, a trip to the morgue? (Lahiri, 2004: 37).

Когда в произведении *The Namesake* в американской школе организовывают экскурсию на кладбище, мать-эмигрантка Ашима реагирует крайне негативно, поскольку в рамках ее культуры такие действия

неприемлемы. Автор описывает внутреннюю тревогу и опасения матери, приводя в пример другую ситуацию – экскурсию в морг, что было бы в ее понимании равноценным неуместным действием. Фраза *only in America* снова указывает на реализацию стратегии сепарации в рамках предрассудков и выстраивания связи между плохими действиями и культурой.

Существует бенгальская традиция – давать человеку два имени. Одно, домашнее, называется *дакнам*. Оно доступно для близкого круга общения – родственников и друзей, его используют в домашней, непринужденной обстановке. Такое имя, как отзвук детства, напоминает человеку о том, что жизнь не всегда должна быть серьезной, сложной, официальной, а также о том, что всякий человек имеет несколько лиц и что он являет себя миру в разных ипостасях. Домашнее имя может быть любым – смешным, звукоподражательным, уменьшительно-ласкальным и т.д. Например ласкальное, домашнее имя Ашимы – Мону, Ашока — Миту.

Наряду с домашним именем у каждого бенгальца есть официальное имя, *бхалонам*, им он пользуется в отношениях с внешним миром. Таким именем подписывают письма, оно значится в дипломах и сертификатах, в телефонных справочниках, на почтовых ящиках и так далее. Так, на конверте мама Ашимы выводит «Ашиме Гангули», а в письме обращается к дочери «Мону».

Также в бенгальской традиции официальное имя ребенку должна дать бабушка. Для этого нужно время, однако от родителей требуют дать официальное имя как можно скорее. В данной ситуации стратегия сепарации проявляется в нежелании бенгальцев пойти на компромисс с американскими правилами и дать имя ребенку самостоятельно, не дожидаясь письма от бабушки:

"But, sir," Ashima protests, "we can't possibly name him ourselves."
"I see," he says. "The reason being?" "We are waiting for a letter," Ashoke says, explaining the situation in detail.

"I see," Mr. Wilcox says again. "That is unfortunate. I'm afraid your only alternative is to have the certificate read 'Baby Boy Ganguli.' You will, of course, be required to amend the permanent record when a name is decided upon." (Lahiri, 2004: 17).

Таким образом, стратегия сепарации стала самой обширной в рамках данных произведений. Реализация данной стратегии в большинстве своем основывается на нежелании эмигрантов принять модель поведения другой культуры, а также на наличии предрассудков и негативного опыта. Все способы реализации стратегии сепарации представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Стратегия сепарации

Стратегия сепарации	
1) «Американские» и «бенгальские» друзья <i>American friends, Bengali friends</i>	4) Нежелание родителей-бенгальцев принимать брак детей бенгальского происхождения и американцев
2) Американским гостям на бенгальской свадьбе зарезервированы отдельные столы	5) На бенгальской свадьбе в Америке допустимы поцелуи только в щеку
3) Упоминание Америки в негативном ключе и распространение предрассудков в отношении американской культуры	6) Нежелание пойти на уступки и пожертвовать бенгальскими традициями

2.3.3. Стратегия ассимиляции

Наряду со стратегией сепарации стратегия ассимиляции тоже тяготеет к крайности, но, наоборот, представляет собой в большей степени или полное отдаление от родной культуры и тяготение к чужой. Так, некоторые эмигранты понимают, что нормы и ценности другой культуры являются для них более близкими и комфортными. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих выбор такого пути погружения в другую культуру.

"Why does Dadu take his shoes off?" Akash asked Ruma.

"He's more comfortable that way."

"I want shoes off, too." Akash stomped his sandals on the floor.

It was one of the many habits of her upbringing which she'd shed in her adult life, without knowing when or why. (Lahiri, 2008: 26).

Некоторые бенгальцы отдаляются от культурных традиций своей родины. Так, эмигрантка Рума из произведения *Unaccustomed Earth* перестает разуваться в доме, что характерно для ее родной культуры, и перенимает традицию американскую – не снимать обувь на пороге дома. Когда к ней в гости приезжает отец, он разувается, а маленький сын Румы не понимает, зачем, ведь, по всей видимости, его мама никогда так не делала и его не учила. Такая реакция малыша помогает читателю сделать вывод, что женщина перестала следовать модели поведения, характерной для ее родной культуры, и тем самым сделала шаг навстречу ассимиляции, перенимая поведенческие привычки, характерные для жителей Америки.

Также Рума перестала носить сари – традиционную индийскую женскую одежду, заменив ее европейской:

Of the two hundred and eighteen saris, she kept only three, placing them in a quilted zippered bag at the back of her closet, telling her mother's friends to divide up the rest. (Lahiri, 2008: 29).

В данном примере демонстрируется нежелание Румы носить сари, поскольку из двухсот унаследованных от ее матери сари девушка оставила лишь три, предложив друзьям матери забрать все остальные и поделить между собой.

Рума представляет собой очень яркий пример эмигранта, который выбрал путь ассимиляции, поскольку в данном романе ее поведение совпадает по принципам данной стратегии сразу в нескольких отношениях. Помимо предпочтений в одежде, Рума перестала есть руками, как это принято в индийской традиции, и не стала учить этому своего сына:

She ate with her fingers, as her father did, for the first time in months, for the first time in this new house in Seattle. Akash sat between them in his booster seat, wanting to eat with his fingers, too, but this was something Ruma had not taught him to do (Lahiri, 2008: 34).

В данном фрагменте говорится о том, что Рума, впервые за все время, которое она живет в Сиэтле, не стала пользоваться столовыми приборами. Данный отрывок помогает сделать вывод о том, что привычка приступать к приему пищи не используя вилку и нож у Румы исчезла, хотя в индийских традициях принято есть именно руками.

Следующий способ реализации стратегии ассимиляции представлен в рамках темы, которую мы уже упоминали ранее – в отношении к алкоголю. Как нам уже известно, представители индийской культуры в произведениях Джумпы Лахири негативно относятся к нему, однако стратегия ассимиляции нашла свое воплощение и здесь.

Out of sight in Philadelphia she studied diligently, double-majoring in economics and math, but on weekends she learned to let loose, going to parties and allowing boys into her bed. She began drinking, something her parents did not do. (Lahiri, 2008: 41).

В данном фрагменте Судха, эмигрантка одного из очерков в книге *Unaccustomed Earth* приняла модель поведения, нехарактерную для своей родной культуры. Американская культура, знаменитая своей свободой и отсутствием ограничений, имела большее влияние на девушку, чем родители, которые не одобрили бы такое поведение.

Так, стратегия ассимиляции реализуется на уровне бытового общения, а именно в новых предпочтениях эмигрантов в одежде, еде и поведении в целом. Учитывая разницу в количестве правил и ограничений между американской и индийской культурами, можно понять, почему эмигранты выбирают путь ассимиляции, ведь Америка – это та страна, где представлена свобода выбора во всевозможных сферах жизни, а также свобода самовыражения. Результаты исследования реализации стратегии ассимиляции отражены в Таблице 7.

Таблица 7. Стратегия ассимиляции

Стратегия ассимиляции	
Одежда	Еда
Эмигрант перестает следовать своим традициям в одежде: не снимает обувь дома и не носит традиционные сари (женщины)	Эмигрант начинает употреблять алкоголь и перенимает другие пищевые привычки американской культуры

2.3.4. Стратегия маргинализации

Из всех возможных стратегий аккультурации стратегия маргинализации является самой нейтральной – выбирая этот путь, эмигрант не вынужден отдавать предпочтение ни родной культуре, ни принимающей. Однако стоит сказать, что маргинализация сама по себе не так нейтральна и она может иметь свои последствия в рамках психологических и социальных аспектов. Тем не менее, в романе Джумпы Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed earth* есть два случая проявления стратегии маргинализации. Давайте рассмотрим их поподробнее.

At Brown her rebellion had been academic. At her parents' insistence, she'd majored in chemistry, for they were hopeful she would follow in her father's footsteps. Without telling them, she'd pursued a double major in French. Immersing herself in a third language, a third culture, had been her refuge — she approached French, unlike things American or Indian, without guilt, or misgiving, or expectation of any kind. It was easier to turn her back on the two countries that could claim her in favor of one that had no claim whatsoever. Her four years of secret study had prepared her, at the end of college, to escape as far as possible. She told her parents she had no intention of being a chemist and, deaf to their protests, she'd scraped together all the money she had and moved to Paris, with no specific plans (Lahiri, 2004: 105).

Героиня романа *The Namesake* Мушуми всегда питала страсть к французской культуре. Будучи девушкой бенгальского происхождения,

проживающей в Америке, она не отдавала предпочтение ни одной из этих двух культур, изучая язык третьей и считая себя беженцем (*refugee*), маргиналом по отношению к культурам, которые, казалось бы, были всегда рядом с ней.

He had not gone back since the year his mother died, had never gone there for work. As a photographer, his origins were irrelevant. And yet, in Rome, in all of Europe, he was always regarded as an Indian first (Lahiri, 2008: 322).

"I liked living in India," you said. I did not betray my opinion, that I found trips to India dull, that I didn't like the geckos that clung to the walls in the evenings, poking in and out of the fluorescent light fixtures, or the giant cockroaches that sometimes watched me as I bathed. I didn't like the comments my relatives made freely in my presence—that I had not inherited my mother's graceful hands, that my skin had darkened since I was a child (Lahiri, 2008: 253).

Каушик, герой очерка из произведения *Unaccustomed Earth* посвятил свою жизнь приключениям. Будучи эмигрантом, он, как и Мушуми, не смог выбрать между индийской и американской культурами, ведь обе были ему безразличны. Фраза *his origins were irrelevant* очень ярко описывает то, как реализуется стратегия маргинализации в контексте истории Каушика, который со временем потерял любовь даже к родному дому, считая поездки на родину скучным занятием.

Таким образом, стратегия маргинализации реализуется на уровне бытового общения, а именно в поведении и рассуждении эмигрантов относительно принадлежности к той или иной культуре. Так, в романах Дж. Лахири представлены две ситуации, в которых эмигрант выбирает стратегию маргинализации: он либо выбирает третью культуру, либо воздерживается от предпочтений вообще. Результаты представлены в Таблице 8.

Таблица 8. Стратегия маргинализации

Стратегия маргинализации	
Эмигрант отдает предпочтение третьей культуре – французской	Эмигрант не относит себя ни к какой культуре в целом

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В прозе Джумпы Лахири отражен личный опыт межкультурного взаимодействия автора, представляющий читателю самые интересные, сложные и противоречивые аспекты такого взаимодействия с помощью героев, которые, подобно Джумпе Лахири, когда-то мигрирующей из Индии в США, вынуждены выбирать путь на пересечении двух культур – индийской и американской. В произведении *An Unaccustomed Earth* (2008) представлены очерки из жизни нескольких индийских эмигрантов, с разным опытом эмиграции и отношением к ней. В романе *The Namesake* (2004) события развиваются внутри одной семьи – Гангули – после того, как родители, бенгальцы Ашима и Ашок, решают переехать в Америку.

Параметрическая модель Г. Хофтеде помогает раскрыть специфику американской и индийской культур, сопоставляя их по следующим параметрам: дистанция власти, коллективизм-индивидуализм, терпимость к неопределенности, феминность/маскулинность, долгосрочная ориентация и потакание желаниям. В некоторых аспектах, например в пункте «феминность/маскулинность» и «терпимость к неопределенности» культуры имеют сравнительно равные оценки, однако в остальных параметрах разница культурной модели видна отчетливо. Так, американская культура более свободолюбива, она склонна к индивидуалистическим проявлениям характера, а также любит комфорт и не отказывает себе в приятных мелочах. Индия, напротив, больше тяготеет к коллективизму, хотя имеет и индивидуалистические черты. Индийская культура также представлена как культура сдержанности, где все желания контролируются, а работа имеет большее значение, чем досуг.

Образы эмигрантов-бенгальцев в Америке были проанализированы в рамках стратегий аккультурации и представили собой четыре способа взаимодействия с чужой культурой. Стратегия интеграции была представлена через желание эмигранта вести коммуникацию как на

английском языке, так и наベンгали. Сочетание блюд обеих культур также характеризовали реализацию данной стратегии. *Стратегия сепарации*, наряду со стратегией интеграции, реализуется не только на уровне бытового общения, но и с помощью лингвистических средств: так, используя лексемы *American* и *Bengali*, эмигрант осознанно разделял культуры в рамках стратегии сепарации. Данная стратегия нашла воплощение также в бытовом общении эмигрантов, предпочитающих свою культуру чужой и критикующих американскую культуру, выставляя ее в негативном свете, например, упоминая предрассудки в отношении данной культуры. *Стратегию ассимиляции* охарактеризовали поведенческие особенности эмигрантов, которые перенимали культурную модель США в рамках одежды, пищи и т.д. *Стратегия маргинализации* была представлена на примере судеб двух эмигрантов, один из которых предпочел третью культуру, а второй посвятил свою жизнь путешествиям, не приняв никакую культуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведен дискурсивный анализ художественных текстов – романов американской писательницы бенгальского происхождения Джумпы Лахири *The Namesake* и *Unaccustomed Earth*. В основу анализа легли стратегии аккультурации, к которым прибегают герои данных произведений – эмигранты-бенгальцы, мигрировавшие в Америку. Данные стратегии показательно представили образ эмигранта с разных сторон, позволяя проанализировать особенности поведения эмигранта и факторы, способствующие выбору им того или иного способа взаимодействия с новой культурой.

В рамках дилеммы «свой – чужой» эмигрант как представитель другой культуры занимает позицию чужого. Так, покидая свою родину и попадая в чужеродную для него среду, паттерны поведения, нормы и ценности эмигранта будут отличаться от тех, что приняты в другом лингвокультурном сообществе. Было также выявлено, что «эмigrant» и «чужой» совпадают в тенденциях их восприятия – невозможности предсказать их поведение, скептическом отношении к ним и т.д.

Межкультурное взаимодействие представляет собой интеракцию представителей разных лингвокультурных сообществ, которая позволяет раскрыть уникальность культуры другого народа и осознать особенности своей культуры. В рамках межкультурного взаимодействия эмигрант как чужой должен выбрать один из возможных способов взаимодействия со средой, в которой он оказался. Такие способы представляют собой четыре стратегии аккультурации – вхождения индивида в новую культуру: ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация.

Художественная литература как культурное хранилище помогает освещать разные культурные аспекты, особенности межкультурного взаимодействия, включая феномен эмиграции, который лег в основу нашего исследования. С помощью дискурсивного анализа – метода вычленения

социального контекста из текстового материала – в исследованиях художественной литературы образ эмигранта был классифицирован по ряду признаков и охарактеризован с точки зрения разных параметров. В ходе исследования мы пришли к выводу, что для более объективного анализа образа эмигранта как такового важно исследовать его комплексно, с позиции разных художественных произведений, научных работ, классификаций и выявленных характеристик. Так, в данном исследовании образ эмигранта складывается из особенностей его поведения в разных сферах жизни – через бытовые ситуации, изменения в пищевых привычках, выбор одежды, отношение к родному языку и традициям.

Образ эмигранта как представителя индийского лингвокультурного сообщества в чужеродной среде – Америке – был представлен через призму стратегий аккультурации, представляющих собой четыре способа поведения в новой культуре. В рамках произведений Дж. Лахири ярче всего проявила себя стратегия сепарации, предлагающая наибольшее количество ситуаций ее реализации. Второй по данному параметру стала стратегия интеграции, представляющая собой самый сбалансированный подход к изучению новой культуры и сохранению своей. Стратегия ассимиляции и стратегия маргинализации представили наименьшее количество случаев.

Таблица 9. Стратегии аккультурации в романах Дж. Лахири

Стратегии аккультурации			
Стратегия интеграции	Стратегия сепарации	Стратегия ассимиляции	Стратегия маргинализации
Эмигрант изучает английский язык и использует его наряду сベンгали в коммуникации	Эмигрант подсознательно разделяет явления и объекты на «бенгальское» и «американское» <i>American friends, bengali friends</i>	Эмигрант перестает следовать традициям в одежде: не снимает обувь дома и не носит традиционные сари (женщины)	Эмигрант отдает предпочтение третьей культуре

	Родители-эмигранты не желают принимать брак детей бенгальского происхождения и американцев		
Эмигрант использует наименования членов семьи и традиционных блюд наベンгали в англоязычных диалогах <i>Baba, didi, payesh, dal</i>	На бенгальской свадьбе в Америке для американцев эмигранты зарезервируют отдельные столы и допускают только поцелуи в щеку		
Эмигрант начинает комбинировать блюда индийской и американской кухни	Эмигранты упоминают Америку в негативном контексте и распространяют предрассудки в отношении американской культуры Эмигранты не желают идти уступки и жертвовать бенгальскими традициями	Эмигрант начинает употреблять алкоголь, перенимает другие пищевые привычки американской культуры	Эмигрант не относит себя ни к какой культуре в целом

Перспективой дальнейшего исследования является выявление способов репрезентации образа эмигранта в произведениях английской и испанской литературы для последующего сопоставления с результатами настоящей работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабан А.И. Образ эмигранта в творчестве Ирен Немировски и проблема национальной самоидентификации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: Филология. 2014. Т. 16. Вып. 2. С. 913–916.
2. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник ЧелГУ. 2009. Вып. 35. С. 20–26.
3. Войтов А.В. Изучение процесса формирования коллективных представлений на примере образа «врага» в общественном сознании // Вестник ВолГУ. Серия 9. 2014. Вып. 12. С. 38–42.
4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
5. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 259–336.
6. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.
7. Дулова С.А. Тип эмигранта в произведениях С. Довлатова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. Вып. 4. С. 72–25.
8. Егизарьянц А.А. Адаптация мигрантов как проблема исследования психологии аккультурации// Вестник УРАО. 2010. Вып. 1. С. 103–105.
9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
10. Кенжегараев Н.Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста // Молодой учёный. 2012. Вып. 4 (39). С. 228–231.

11. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. Вып. 143. С. 94–102.
12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. 1536 с.
13. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
14. Курбан Е.Н., Кривошлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов // Социум и власть. 2013. Вып. 1(39). С. 97–101.
15. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
16. Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. Вып. 8.
17. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
18. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
19. Матвеева А.А.. Взаимодействие категории «свой – чужой» и категории оценки // Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2007. Т. 12. Вып. 3. С. 74–77.
20. Микалаускайте Е.Ю. Дискурсивная обработка культурной чужеродности в литературном ксенонarrативе: коммуникативно-прагматический аспект. Красноярск, 2019. 257 с.
21. Мокрищева А.О. Стратегии и тактики репрезентации эмигранта в романе Э.М. Ремарка “Arch of Triumph” // Siberia Lingua. Вып. 2. 2019. С. 55–61.
22. Молодыченко Е.Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 4. С. 145–156.

23. Никитина Н.В. Эстетическая функция художественного стиля // Вестник ЧГУ. 2008. Вып. 3. С. 168–172.
24. Никогосян Н.М. Конструирование образов «Свой», «Другой» и «Чужой» в СМИ// Вестник СПбГУ. 2010. Вып. 3. С. 232–238.
25. Осин Р.В. Криминализация образа мигранта в современной культуре: психологический анализ // Пензенский психологический вестник. Серия 1. 2017. Вып. 8. С. 94–101.
26. Петровская Е.Г. Метафора в художественном тексте как способ познания национального образа // Теория и практика общественного развития. 2010. Вып. 3. С. 262–264.
27. Пивоварова М.А. Понятие образности как структурной, концептуальной информации в художественном произведении // Ученые записки ЗабГУ. 2009. Вып. 3. С. 246–247.
28. Поршнева А.С. Сюжетология немецкого эмигрантского романа (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн) // Мировая литература в контексте культуры. 2014. Вып. 3. С. 39–44.
29. Прокошенкова Л.П., Гецкина И.Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // Вестник Чувашского университета. Серия: Языкоznание. 2006. С. 451–456.
30. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2014. 254 с.
31. Сухих И.Н. Сергей Довлатов: место, время, судьба. СПб., 1996. 288 с.
32. Чернец Л.В. Введение в литературоведение: учебное пособие. М., Высшая школа, 2004. 680 с.
33. Шевченко А.Р., Несмелова О.О. Два поколения, два восприятия: образы иммигрантов в малой прозе Джумпы Лахири // Филология и культура. 2019. Вып. 3(67). С. 198-205.

34. Berry J.W. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada // International Journal of Intercultural relations, 2006. Vol. 30. P. 719–734.
35. Berry J.W. Diversity and equity // Cross Cultural and Strategic Management, 2016. Vol. 23. P. 413–430.
36. Berry J.W. Psychology of acculturation // In J. Berman (Ed.). Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on motivation. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1990. Vol. 37. P. 201–234.
37. Castello D. Discursive Representations of Migrants as Victims and Perpetrators in the British Press: A Corpus-Assisted Discourse Analysis. 17.12.15. Birmingham, 2015. 66 p.
38. Cormoş V.C. Mentality and Change in the Context of International Migration // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. 149. P. 242–247.
39. Green E.G.T., & Staerklé, C. Migration and Multiculturalism // Oxford Handbook of Political Psychology. 2013. 2. P. 852–889.
40. Gullí B. Humanity and the enemy. 1st edition. New York: Macmillan Publishers Limited, 2014. 179 p.
41. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Doubleday, 1976. 298 p.
42. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations. Software of the mind: The McGraw-Hill Companies. 2010. 576 p.
43. Hofstede G. Insights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries> (дата обращения: 07.03.2020).
44. Lahiri J. The Namesake. Houghton Mifflin, 2003. 291 p.
45. Lahiri J. Unaccustomed Earth. Alfred A. Knopf, 2008. 331 p.
46. Remark E.M. Arch of Triumph. 2014 Random House Trade Paperbacks Edition: D. Appleton-Century Company, 1945. 424 p.
47. Sperduti M. et al. The paradox of fiction: Emotional response toward fiction and the modulatory role of self-relevance // Arta Psychologica. Paris: Paris Descartes University Press. 2016. 165. P. 53–59.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

О.В. Магировская/
23 июня 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЭМИГРАНТА В
СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНОВ ДЖ. ЛАХИРИ)**

Выпускник

А.О. Мокрищева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доцент каф. ТГЯиМКК
Ю.И. Детинко

Красноярск 2020